

18+

Андрей Лазаренков

**МЫ БЫЛИ
В СОВЕТСКОМ
СОЮЗЕ**

Андрей Лазаренков

Мы были в Советском Союзе

«Издательские решения»

Лазаренков А.

Мы были в Советском Союзе / А. Лазаренков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-566438-9

Двое друзей совершают на машине времени регулярные экспедиции в Советский Союз. Зная, по слухам, что советские люди страдали от дефицита, они планируют покупать в нашем сегодняшнем времени джинсы, кроссовки, полиэтиленовые пакеты и прочий китайский ширпотреб, а затем продавать все это в Советском Союзе под видом дорогостоящего американского «дефицита». И хотя они все продумали и предусмотрели до мелочей, их планы постоянно оказываются под угрозой.

ISBN 978-5-00-566438-9

© Лазаренков А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мы были в Советском Союзе

Андрей Лазаренков

© Андрей Лазаренков, 2022

ISBN 978-5-0056-6438-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Меня зовут Алексей, мне двадцать восемь лет, и я работаю участковым терапевтом в городской поликлинике. В тот день, когда началась эта удивительная история, я сидел, как обычно, в своем кабинете и принимал больных. Отпустив последнего пациента и уже снимая халат, я вдруг вспомнил о странном звонке от Виктора, моего закадычного друга и приятеля. Он еще утром позвонил мне по сотовому телефону и попросил зайти к нему по какому-то очень важному делу. Что за дело, – не сказал, но я подозреваю, что это связано с его страстью к изобретательству. Последние два года он, как проклятый, бьется над какой-то проблемой, решение которой, как он утверждает, тянет аж на Нобелевскую премию. Но сколько я ни спрашивал его об этой проблеме, он ничего мне так и не сказал. «Все равно не поймешь, – отмахивался он от моих вопросов, – ты же не технарь и не физик-теоретик. А вот когда проблема в целом будет решена, тогда и пообщаемся на эту тему».

Если честно, я не верю в эти его заявления. Как программист или как техник, он, спору нет, великий дока. Если у меня дома с компьютером какая-нибудь беда случается, я всегда зову его. И телевизор он мне чинил, кстати, и холодильник. Но просто миновали те стародавние времена, когда мировую науку мог двигать гениальный одиночка. Это Галилео Галилей, как пишут в учебниках, сталкивал с Пизанской башни пушечное ядро и, замеряя по своему пульсу время его падения до земли, открывал фундаментальные физические законы. А сейчас так уже не получится. Времена Галилеев и Ньютонов давным-давно прошли и, чтобы двигать науку вперед, в наше время нужны синхрофазотроны, электронные микроскопы, термоядерные реакторы, ну и, само собой, соответствующее финансирование. А так, на коленке, сидя в кустарной мастерской, совершать эпохальные открытия... Нет, ребята, в такие чудеса я не верю!

С Виктором мы дружим еще со школы, даже за одной партой вместе сидели. Я в школе биологией очень увлекался, поэтому и в медицинский пошел, а Виктор к точным наукам всегда склонность имел. По математике, физике, химии он круглый отличник был, все школьные олимпиады по этим предметам выигрывал.

А еще Виктор мастерить любил. Делал все – от ножей с наборной ручкой до радиоприемников для сверхдальней связи. Он, когда школьником еще был, соорудил у себя дома портативный сверлильный станок. Укрепил вертикально дрель на старом штативе от фотоувеличителя, приделал рычаг на пружине. Потянешь рычаг вниз, и дрель тоже опускается вниз, точно нацеливаясь на заготовку... В общем, мастер золотые руки!

После школы я, как и мечтал, пошел в медицинский институт, а Виктор в политехнический, на мехмат. Учился он блестяще и вышел из института с профессией инженера. Ну а дальше, как и следовало ожидать, начались проблемы. Найти работу в провинциальном деиндустриализованном городе для молодого специалиста оказалось невозможно. Помыкавшись туда-сюда с полгода, он устроился в какую-то захудалую автоколонну, но и та вскоре развалилась, и Виктор снова оказался без работы. Благодаря протекции своего дальнего родственника, его приняли в налоговую инспекцию, но и там он задержался недолго. Правда, на этот раз он уже по собственному желанию ушел. Для него, первоклассного инженера и прирожденного изобретателя, оказалось невыносимым сидеть в офисе и день-деньской тасовать бумажки. Махнув рукой на госслужбу, Виктор устроился сторожем в гаражный кооператив. Зарплата, конечно, у него теперь не ахти какая, но он не жалуется. Главное, что новая работа не отнимает у него много времени. Отсидев сутки в сторожке, он имеет трое суток законного досуга и может беспрепятственно заниматься своими изобретениями. Да и на дежурстве он старается не терять времени даром. Принося с собой ноутбук или технические книги, он упорно продолжает свои занятия.

И вот что интересно отметить. Виктор – не наивный и не бескорыстный изобретатель, наподобие жюль-верновского Паганеля. Вовсе нет! У него есть заветная мечта – изобрести нечто такое, что поразило бы весь мир, а ему принесло бы и славу, и деньги. Уже школьником он носился с этой идеей. Он изобретал, помню, «вечную спичку», которая никогда не сгорает и тем самым может спасти от вырубки миллионы гектаров леса. А еще он разрабатывал оригинальный роторный двигатель, который по всем параметрам должен был превзойти уже существующий двигатель Ванкеля. Были и другие проекты, закончившиеся, как я и предполагал, ничем. Но, несмотря на все прежние неудачи, Виктор продолжает упорно – месяц за месяцем, год за годом – стремиться к своей цели.

Вы спросите, зачем Виктору деньги? Ну, во-первых, чтобы не ходить на нелюбимую работу. Во-вторых, чтобы покупать, не скупясь, какие захочется, книги, приборы, инструменты. В-третьих, чтобы поездить по миру. Заветная мечта его – побывать внутри древнеримского Колизея. А еще он хочет увидеть собственными глазами знаменитую глиняную армию китайского императора Цинь Шихуанди. Так что Витек не зря повторяет свою любимую притчу: «Бедным быть скучно!» Ну и, наконец, женщины. Не надо смотреть на то, что Виктор носит очки и рано начал лысеть. За этой отнюдь не донжуанской внешностью скрывается отчаянный ловелас и дамский угодник. Правда, пока еще только в мечтах. А мечты на эту тему у него грандиозные! Уж я-то знаю! Виктор, когда пива напьется, всегда о женщинах говорить начинает. А я слушаю его и думаю с иронической улыбкой: «Бедный, бедный Витя! Вся жизнь пройдет, пока ты, сидя в этом сарае, чего-нибудь добьешься, так и помрешь, никем нецелованный».

Так что, как видите, я достаточно скептически отношусь к увлечениям Виктора, но, несмотря на это, я все равно сегодня вечером пойду к нему. Ведь он мой друг, и мне с ним интересно общаться. А еще мы выпьем с ним пива. Он, когда звонил сегодня, то самым настоятельным образом просил захватить с собой несколько полуторалитровых «баклажек», что я с удовольствием и сделаю.

Глава 2

Виктор живет вдвоем с матерью в одноэтажном кирпичном доме, который еще в 60-е годы прошлого века построил его дед – демобилизовавшийся военный летчик. Дом окружен старым запущенным садом, в глубине сада находится большой длинный сарай, с легкой руки Виктора получивший гордое название «лаборатории». В этой «лаборатории», собственно говоря, и протекает вся его жизнь. Здесь он занимается своими экспериментами, здесь же он обычно и спит, и ест, не желая даже на короткое время покидать свое рабочее место. Если бы не вынужденная необходимость пару раз в неделю ходить на дежурства в гаражный кооператив, то он, вероятнее всего, превратился бы в самого настоящего ветхозаветного отшельника. Его мать, Вера Андреевна, поначалу пыталась бороться с асоциальными привычками своего сына, но затем, осознав бесперспективность этой борьбы, смирилась и уже не мешает Виктору жить, как ему заблагорассудится.

Подойдя к калитке, я нажал кнопку электрического звонка. В глубине сада раздалась пронзительная трель. Минут через пять послышались знакомые шаркающие шаги.

– Это ты, Вить? – крикнул я.

– Нет, Пушкин, – ответил за калиткой знакомый голос. Я невольно улыбнулся: «Витек, как всегда, в своем репертуаре, не может без того, чтобы не приколоться!»

Клацнула щеколда, калитка распахнулась, и передо мной во всей красе предстал он, Виктор, мой закадычный друг и единомышленник. Среднего роста. Заношенные спортивные штаны с пузырями на коленях. Шлепанцы на босу ногу. Волосы по краям лысины всклокочены, как будто он только что встал с постели. Сигарета в углу рта. Сквозь очки внимательно смотрят голубые глаза.

– Молодец, что пришел, – сказал Виктор, пожимая мне руку. – Пиво принес?

– Две полторашки.

– Три литра? Не маловато на двоих? Ну ладно, если что – докупим. Заходи...

Пропустив меня вперед, Виктор затворил калитку и пошел следом за мной, говоря:

– Давай сразу ко мне в «лабораторию». Мать сериалы дома смотрит, так что не будем ей мешать. А нам, между прочим, разговор сегодня предстоит чрезвычайной важности.

– Серьезный разговор? О чем же?

– Скоро узнаешь.

Шагая по узкой дорожке к «лаборатории», я предположил мысленно: «Интересно, что за разговор? Да еще такой важный? Может, денег занять хочет?» Скептически настроенный к увлечениям Виктора, я и подумать не мог о том, что предстоящий разговор будет иметь ко мне самое непосредственное отношение и, даже более того, что этот разговор вскоре круто изменит всю мою жизнь!

Когда мы пришли в «лабораторию», Виктор кивком головы показал мне на стул – мол, располагайся! – а сам быстро сгреб со стола грязные тарелки и стаканы и выбежал со всем этим добром наружу. По звуку льющейся воды я догадался, что он решил наконец-таки вымыть накопившуюся грязную посуду.

Виктор отсутствовал довольно долго, и я от нечего делать принялся осматривать «лабораторию». Внешне здесь ничего не изменилось с тех пор, как я приходил к Виктору последний раз. «Лаборатория» состоит из двух комнат. В первой, на большом столе, располагается компьютерный системный блок с монитором; электронное устройство включено в сеть и работает. В этой же комнате, ближе к двери, стоит второй стол, меньшего размера, но служит он не для научной деятельности, а исключительно для приема пищи. Ветхий книжный шкаф у стены забит книгами и научными журналами, расставленными в полнейшем беспорядке. Имеется в этой комнате и старая панцирная кровать с двумя металлическими грядушками; на кровати

лежит скомканное засаленное одеяло и подушка в грязной наволочке. Легко догадаться, что Виктор в этой комнате не только осуществляет свою научную деятельность, но и, притомаясь от ученых занятий, наскоро отдыхает и перекусывает.

Во второй комнате, в которую можно попасть из первой, Виктор оборудовал себе мастерскую. Каких здесь только нет полезных устройств и приспособлений! Слесарный верстак, большие тиски, самодельный сверлильный станок (не тот, который еще в школьные времена он смастерил себе, а новый, технически более совершенный), сварочный аппарат, разнообразные дрели и шлифмашины, ну и, само собой, множество самого разного ручного инструмента... В ведрах и жестяных коробках собраны гайки и болты всех размеров и наименований, какие-то радиодетали, электронные печатные платы... На полу в беспорядке свалены старые автомобильные аккумуляторы, мотки проволоки, какие-то раскуроченные электронные приборы, похожие на осциллографы... Одним словом, здесь, в этой комнате, имеется абсолютно все, что может потребоваться молодому пытливому уму в поисках научной истины.

Мои наблюдения прервал Виктор, вернувшийся со двора с вымытой посудой. Оставив мокрые тарелки и стаканы на столе, он вытащил из пакета «баклажку» с пивом и, разглядывая ее на просвет, предложил:

– Ну что, начнем, пожалуй?

Я не возражал, и пиршество началось. Мы быстро порезали вяленую рыбу, наполнили, трепеща от вожделения, стаканы пивом, зажмурились, отхлебнули и... и выплюнули! То, что желтело и плескалось в стаканах, пить было невозможно. Консистенция какая-то водянистая, пена подозрительная, слишком обильная и плотная, а самое главное – совершенно неуместный здесь сладковатый привкус фруктовой эссенции, как у лимонада. В общем, мерзость, недостойная называться пивом!

Мы открыли другую бутылку – в ней оказалась та же самая бурда.

– Ты понял, что делается?! – закричал Виктор, выплеснув содержимое своего стакана на пол. – Соберешься в кои веки выпить стакан пива, так обязательно подsunут какую-нибудь гадость! И, кстати, не в первый раз уже!

Виктор вскочил со стула и нервно заходил взад и вперед по комнате.

– Уж лучше бы я у соседа самогонки попросил, – говорил он сердитым голосом. – У него, по крайней мере, хоть продукт качественный, а не то, что эта дребедень, из порошка сделанная!

– Ну, давай еще в магазин сходим, другого пива возьмем, – предложил я. – Может, оно лучше окажется. Говорят, что у нас не все пиво из порошка делают, иногда и натуральное попадает. Ну что, я схожу?

Виктор остановился возле меня и, махнув рукой, сказал:

– Ладно, дружище, не ходи никуда. Не в пиве счастье. Я, вообще-то, собирался сообщить тебе сегодня новость чрезвычайной важности. Короче, держись крепче за стул и внимательно слушай.

Виктор заложил руки за спину, выпятил грудь и многозначительно произнес:

– Дело в том, Леха, что я совершил открытие мирового значения. Я создал Машину Времени.

Сказав это, Виктор внимательно посмотрел на меня сквозь очки, стараясь, очевидно, понять, какой эффект произвели его слова, но поскольку я ничего не говорил, ожидая продолжения, он повернулся и, расхаживая взад и вперед по комнате, принялся объяснять мне суть своего открытия:

– Возможность перемещения во времени была выведена еще из теории относительности Альберта Эйнштейна, – говорил он, то и дело поглядывая в мою сторону. – Согласно этой теории, в нашей Вселенной существуют искривления пространственно-временного континуума, которые позволяют путешествовать в будущее и прошлое, возвращаясь затем в исходную точку. Физики называют их «кротовыми норами». Так вот, если пространственно-временной

континуум искривить особым образом, то возможно создать замкнутую петлю, которая будет замыкаться на определенной точке, создав тем самым параллельный виток пространства-времени...

Я абсолютно ничего не понимал из того, что говорил мне Виктор. С первых же минут потеряв нить повествования, я даже не пытался вникнуть в его слова и лишь только следил за ним глазами, думая при этом: «Ну, как я и ожидал, наш Витя, сидя в этом сарае, умудрился посрамить весь цвет мировой науки. То, что оказалось не под силу огромным научным центрам с тысячами сотрудников, с самой современной аппаратурой, с многомиллионным финансированием, Витек на скорую руку соорудил у себя на коленке из подручных материалов...».

А Виктор все говорил и говорил, пытаясь объяснить мне принцип работы Машины Времени:

– Устройство для путешествия во времени может быть создано на основе силы гравитации, создающей пространственно-временной туннель. Принцип его работы заключается в следующем. Если взять два высокоэнергетических лазерных пучка и разогнать их в противоположные стороны с околосветовой скоростью, то внутри время начинает скручиваться, как воронка, и, проникнув в эту воронку, можно попасть в прошлое или будущее...

Виктор вдруг остановился и повернулся ко мне:

– Я вижу, ты меня не слушаешь.

– Почему не слушаю? Слушаю, – солгал я, отводя глаза в сторону. – Ты очень интересно все объясняешь.

Сказав это, я подумал: «А почему, собственно говоря, я должен притворяться и делать вид, что верю в какую-то абсолютно невозможную чепуху? (Я даже почувствовал некоторое раздражение.) Так и заявлю ему сейчас, что ты, Виктор, хоть и друг мне, но истина, как говорится, дороже, и я со своей стороны...»

Однако Виктор не дал мне ничего сказать.

– Молчи, молчи! – закричал он, делая в мою сторону предостерегающие жесты. – Ничего не говори! Я предвидел такой поворот событий. Поэтому я ничего больше не буду тебе объяснять и сразу перейду к демонстрации Машины Времени.

Мне показалось, что Виктор обиделся. Стараясь говорить как можно мягче и убедительнее, я начал:

– Витя, ну ты пойми... Я же только хочу...

– Я все прекрасно понимаю и ничуть не обижаюсь. Просто пришла пора явить миру чудо.

– Какое еще чудо?

– Самое настоящее! – Виктор рассмеялся. – Чтобы ты убедился, наконец, в правоте моих слов. Объяснениям моим ты не веришь, но когда я продемонстрирую тебе свою Машину Времени, ты вынужден будешь со мной согласиться.

– Ты хочешь сказать, что сейчас покажешь мне Машину Времени? – спросил я недоверчиво.

– Вот именно!

– И где же она?

– Во дворе, под навесом. Не терпится взглянуть? Тогда пойдем!

И мы с Виктором вышли наружу.

Глава 3

Когда мы вышли из «лаборатории» во двор, было уже совсем темно. На небе ярко мерцали звезды. Где-то рядом пронзительно верещал в траве сверчок.

Обойдя «лабораторию» с правой стороны, мы с Виктором подошли к навесу, под которым угадывался силуэт легкового автомобиля. Виктор щелкнул выключателем, под крышей навеса вспыхнула электрическая лампочка, и автомобиль ярко осветился. Это был синего цвета ВАЗ-2101 «Жигули», более известный в народе под ироническим прозвищем «копейка». Мне, человеку, привыкшему к стильному виду современных легковых автомобилей, этот образец советского автопрома категорически не понравился; он был весь какой-то угловатый, приземистый, кургузый, одним словом, допотопный механизм!

Положив руку на капот автомобиля, Виктор повернулся ко мне:

– Ну и как тебе моя Машина Времени? Впечатляет?

Я, думая, что Виктор шутит, решил подыграть ему:

– И действительно, чем не Машина Времени! Сел в нее – и как будто перенесся в прошлое лет на сорок...

– Нет, Алексей, ты не понял, – перебил меня Виктор, – это настоящая, действующая Машина Времени, и я сейчас тебе это продемонстрирую. Но прежде пару слов для ясности. То, что ты видишь перед собой, это, конечно, не сама Машина Времени, а старый советский автомобиль «Жигули». Сама же Машина Времени спрятана внутри этого автомобиля или, если выразаться технически более грамотно, она смонтирована на его шасси. Сидя в кабине этого старого «жигуленка», я могу управлять как самим автомобилем, так и Машиной Времени – для этого имеется специальный пульт управления с кнопками и тумблерами. Запуская двигатель автомобиля, я могу переключить его мощность на лазерный гравитационный генератор, и тогда произойдет инициализация Машины Времени. Используя специальный электронный хронометр, я могу выбирать, куда мне двигаться во времени – в прошлое или в настоящее, – и на какую глубину. И последнее. Я не могу одновременно перемещаться и в пространстве, и во времени. Нельзя ехать, например, из Урюпинска в Москву, одновременно с этим перемещаясь из двадцать первого века в девятнадцатый. Сначала я должен переместиться, куда мне требуется, в пространстве, а затем уже начинать перемещаться во времени. Или наоборот, смотря по обстоятельствам. Ну вот, кажется, и все.

Виктор подошел к автомобилю и, открыв дверцу, повернулся ко мне:

– А теперь самое главное, Алексей. Я буду отсутствовать примерно минут десять. Но ты не пугайся и не волнуйся, и никуда отсюда не уходи. Внимательно наблюдай за тем, что будет происходить. И помни: я обязательно вернусь!

Виктор сел в кабину и захлопнул за собой дверцу. Зафырчал двигатель. Освещенный ярким электрическим светом, автомобиль был виден как на ладони. Прошло несколько минут, и звук работающего двигателя изменился, стал каким-то протяжным и надрывным. «Что он там делает? – подумал я с беспокойством. – Да и поздно уже, соседи ругаться будут из-за такого громкого звука».

Внезапно я увидел, как деревянные столбы, на которых покоился навес, задрожали, пришла в движение и стена «лаборатории» по соседству с навесом. Это было очень похоже на то, как в летний знойный день дрожит в степи разогретый воздух, искажая контуры предметов. А еще это напомнило мне детский кошмар, который я пережил в первом классе, болея тяжелым воспалением легких. У меня температура поднялась тогда выше сорока градусов, и я, лежа в тошнотворном бреде, вдруг увидел, как больничные стены заколебались и как будто стали наклоняться, валиться вниз, прямо на меня...

Вот и здесь происходило что-то похожее. Мне стало не по себе. «Что это такое? – с тревогой подумал я. – Или, может быть, Виктор был прав, и это начинает искажаться пространство? Или, как он говорил, образуется временной туннель?»

Пока я стоял и размышлял над увиденным, автомобиль исчез. Не уехал, а именно исчез. В одно мгновение! Вот только что он стоял передо мной, гудя надрывно мотором, и вдруг – ничего! Пустое место! С исчезновением автомобиля тотчас прекратилось и противное дрожание окружающих предметов.

Я стоял, ошеломленный, моргая глазами. Как объяснить то, что сейчас произошло? Фокус? Иллюзия? Но это не похоже на иллюзию! Я читал о том, какими способами знаменитые фокусники во время своих выступлений добиваются иллюзии внезапного исчезновения крупногабаритных предметов: они прячут эти предметы в потайных нишах в полу или в стенах, набрасывают на них специальные покрывала, меняют освещение. Но здесь не было абсолютно ничего похожего на уловки фокусника! Электрическое освещение ни на секунду не гасло, покрывала, ширмы и заслонки ниоткуда не выпадали, никакие потайные ниши в полу внезапно не разверзались, – стоя в полуметре от автомобиля, я мог ручаться за это!

Я сделал шаг и оказался как раз на том самом месте, где еще мгновение назад стоял автомобиль. Под ногой хрустнул гравий. Надо признаться, что в глубине души я все еще надеялся отыскать под навесом или где-то поблизости признаки хитроумных технических приспособлений, используя которые, Виктор мог незаметно спрятать автомобиль, но таких признаков нигде не было. Я несколько раз топнул ногой – если бы под землей скрывалась пустота, то наверняка она отозвалась бы гулким звуком, однако никакого гула я не услышал. Звук был самый обыкновенный, как от земляного пола.

Постепенно до меня начал доходить смысл происходящего. Я уже не сомневался в том, что стал свидетелем или даже соучастником необыкновенных событий. Если здесь нет никакого фокуса или подвоха, то это может означать только одно: Виктор вместе со своей машиной и в самом деле исчез. Дематериализовался! То есть он не обманывал меня, как я думал раньше, а действительно открыл способ перемещаться во времени!

От предчувствия грандиозных перемен у меня захватило дух. «Если Виктор и в самом деле создал Машину Времени, то это, конечно же, круто меняет и его, и мою жизнь, – думал я. – Ему стопроцентно предложат возглавить крупный научно-исследовательский институт, он станет светилом в мировой науке, ну и, само собой, ему присудят Нобелевскую премию. А когда он запатентует свое открытие, появятся поистине безграничные перспективы для нашего с ним обогащения. Можно будет за полгода превратиться не в миллиардеров даже, а в триллионеров. Если мы организуем туристические туры в будущее или в прошлое, то от желающих не будет отбоя. Динозавров, например, посмотреть или битву в Тевтобургском лесу... Кто откажется? Ведь это тебе не по дешевке в Турцию в отпуск на неделю смотаться, тут впечатления покруче будут!...»

Мои восторженные мечты были прерваны уже знакомым мне зрелищем начинающейся пространственно-временной диссоциации (впоследствии Виктор именно так называл это явление): предметы вокруг меня вновь потеряли свои четкие контуры и стали дрожать и вибрировать. «Это Виктор возвращается!» – догадался я и поспешил выйти из-под навеса, чтобы не оказаться под колесами автомобиля в тот самый момент, когда Виктор вернется из своего путешествия во времени.

Как ни всматривался я в круг света под навесом, как ни напрягал свое зрение, уловить тот краткий миг, когда Машина Времени вернулась из путешествия по чужим мирам, мне не удалось. Она появилась внезапно, словно никуда и не отлучалась.

Я бросился к автомобилю, чтобы помочь Виктору выбраться из салона, но он, весело засмеявшись, отвел мою руку:

– Я что тебе, беременная девушка, чтобы мне ручку подавать? К тому же я раз десять уже, наверное, испытывал Машину Времени, так что мне не привыкать. Пойдем-ка лучше в «лабораторию», заварим чайку, да обсудим кое-какие организационные вопросы.

Мы вернулись в «лабораторию», вскипятили чайник, разлили по стаканам горячий чай и сели за стол. Мне не терпелось поскорее узнать от Виктора подробности его сенсационных путешествий во времени.

– Ну и где же ты был сейчас, – спросил я, сгорая от любопытства, – в каком времени, в прошлом или в будущем?

– В прошлом, – ответил Виктор, – только я далеко не углублялся – месяцев на шесть. У нас какое сегодня число? Седьмое сентября? Ну, значит, я перенесся в прошедший март, на это, кстати, и похоже было – деревья без листьев стояли и трава еще не выросла. Я видел это из окна «жигуленка».

– Ну и что ты теперь собираешься делать? – продолжал я свои расспросы. – Заявку на изобретение будешь подавать? Или статью в научный журнал напишешь? Мне кажется, что тебе следует как можно скорее объявить миру о своем великом открытии. Наука ведь не стоит на месте, и – кто знает? – может быть, не сегодня-завтра какой-нибудь ушлый китаец прибежит в патентное бюро, чтобы защитить свою интеллектуальную собственность. Нет, Витя, рисковать нельзя, мы должны опередить всех!

К моему удивлению, Виктор не вдохновился этой пламенной речью. Отрицательно покачав головой, он заявил:

– Я не буду ничего регистрировать.

– Не будешь регистрировать?! – вытаращил я на него глаза. – Почему?

– Проблем меньше будет.

– Каких еще проблем? Проблемы будут, если ты не зарегистрируешь свое открытие. А вдруг найдутся конкуренты, которые захотят сделать то же самое?

– Я не думаю, что найдутся. Изобретения такого уровня на дороге не валяются. Но это не главное, главное это то, что, зарегистрировавшись, я сразу же потеряю свободу.

– Ты боишься, что тебя посадят в тюрьму? Но за что, Витя? Разве за научные открытия сажают?

– В тюрьму, конечно, сажать не будут, но свободу все равно ограничат, и весьма существенно, – Виктор внимательно посмотрел на меня. – Ну ты сам посуди, Алексей, разве мое открытие – это обычное открытие? Одно дело – придумать, например, электрическую яйцерезку, и совсем другое – способ перемещаться во времени. Это – несопоставимые вещи.

Виктор встал и начал ходить взад и вперед по комнате; было заметно, что он волнуется.

– Ты пойми, Алексей, что открытие такого рода будет немедленно засекречено. Кем? Да хотя бы министерством обороны. Так уж повелось в этом несовершенном мире, что любое открытие или изобретение в первую очередь рассматривается как средство для убийства других людей. Ты даже не представляешь себе, какие возможности дает в этом плане перемещение во времени. Поистине безграничные! Можно, например, отправить Машину Времени в прошлое и покончить с руководителями вражеской державы еще до того, как они появятся на свет. Ты спросишь, каким образом? Да очень просто: выследив и уничтожив их родителей. А можно вообще не дать вражеской державе возможности появиться на исторической сцене. Отправляешь пару автоматчиков на тысячу лет назад, и эти автоматчики, отыскав в лесу маленькое племя, давшее впоследствии начало могучей вражеской державе, легко и просто это племя расстреливают. И все, вражеской державе уже никогда не подняться.

Виктор подошел вплотную и, заглядывая мне прямо в глаза, сказал убежденно:

– Нет, Алексей, нам свое открытие афишировать никак нельзя. В лучшем случае мы окажемся в «золотой клетке»: ну там спецпаек, деньги, звания, но при этом абсолютно никакой

личной свободы. Все только под строжайшим контролем – а вдруг мы вознамеримся сбежать в другую страну? Да еще вместе с секретами!

– А в худшем случае?

– А в худшем – просто убьют...

– Кто убьет? Свои?!

– И враги могут убить, не беспокойся, они ведь тоже будут охотиться за секретом перемещения во времени. Так что, Алексей, если мы хотим жить спокойно и ни от кого не зависеть, то должны крепко-накрепко держать язык за зубами. Понял?

– Понял. Но зачем в таком случае нужна эта Машина Времени, если нам от нее не будет никакой пользы?

– Вот тут ты не прав, Алексей! Польза будет, и колоссальная, вот только извлекать эту пользу должны мы сами, без посредников в генеральских погонах. В чем будет польза, ты хочешь меня спросить? Очень просто: мы воспользуемся достижениями нашего индустриально развитого времени, чтобы получить преимущество в прошлом. У нас, в нашем времени, есть много такого, чего нет в прошлом, а в прошлом есть то, чего нет у нас. Понятно? Возьмем, для примера, обычный черный перец. Ну тот самый, который мы на кухне в суп кладем. В наши дни перец стоит совсем недорого, нам вполне по карману купить целых пять мешков. Или шесть. Или даже семь. А в древности этот же самый перец стоил невероятно дорого и ценился буквально на вес золота. Поэтому недаром в те времена очень богатого человека называли...

– «Мешком перца»! – быстро подсказал я. – В школе еще, помню, проходили.

– Правильно, так и говорили – «мешок перца», – кивнул Виктор. – Так вот, мы с тобой на наши деньги купим на оптовой базе мешков пять черного перца и на Машине Времени перенесемся с этими мешками куда-нибудь в Средние века. И там мы автоматически станем супербогачами, или, как тогда говорили, «мешками перца»...

– То есть мы продадим перец, выручим за него много-много золота, а потом возвратимся в наше время?

– Можно и возвратиться, конечно, но по мне лучше остаться насовсем в Средневековье. Какая, к черту, разница, где жить, если у тебя денег куры не клюют!

Я подумал, что Виктор шутит. Разве можно променять нашу такую уютную современную цивилизацию на какое-то темное и немытое Средневековье!

– Ну не скажи! – возразил я. – А как же электричество, кино, компьютеры, сотовые телефоны? Разве современный человек сможет жить без всего этого?

– Ерунда! Ты думаешь, современные люди с их компьютерами и сотовыми телефонами счастливее людей прежних веков, которые ничего этого не имели? Лично я уже лет десять вообще не смотрю телевизор, и что, я стал от этого несчастнее? Поэтому не важно, дружище, что в Средневековье нет электричества, природного газа, автомобилей, самолетов и еще многого другого, главное, что у нас в руках будут несметные сокровища, а, значит, и власть, и влияние. При желании, мы сможем сделаться князьями или даже королями. Представляешь? Мы будем собственными руками вершить историю! Мы будем ходить во главе непобедимых легионов в дальние походы, выигрывать сражения, основывать города и государства! Неужели это хуже, чем сидеть, как истукан, перед монитором и часами играть в нелепую компьютерную игру?

Возбужденно потирая руки, Виктор прошелся по комнате.

– Вспомнилась мне сейчас одна история, связанная с Юлием Цезарем, – заговорил он, улыбаясь. – Читал у какого-то древнего писателя, скорее всего, у Плутарха. Так вот, ехал однажды Юлий Цезарь вместе со своими друзьями через глухую альпийскую деревушку, а повелителем Рима он тогда еще не был. Друзья за его спиной стали вести разговор о том, что неужели и здесь, в этом унылом захолустье, тоже идет борьба за первенство и влияние? Цезарь их слушал-слушал, а потом и говорит: «Что касается меня, то лучше быть первым здесь, в этом

ужасном захолустье, чем вторым в Риме!» Точно так же и я тебе, Алексей, говорю: лучше быть первым в Средние века, чем – и не вторым даже, и не десятым, а каким-нибудь пятимиллиардным! – в наше время!

Я посидел, подумал.

«А что, собственно, я теряю? – роем носилась у меня в голове мысли. – Абсолютно ничего! У меня нет здесь ни денег, ни дворцов, ни поместий, ни жены, ни детей... Мне терять, кроме своих цепей, нечего. Зато, если я пойду с Виктором, то приобрету весь мир. Я собственными глазами увижу бронтозавров и диплодоков, я смогу вести беседы с Александром Македонским и Юлием Цезарем...»

– Ну что ж, – сказал я, энергично потирая ладони, – я согласен лететь с тобой в Средние века. Хотелось бы только уточнить, куда именно мы отправимся? Можно, к примеру, в Англию времен Ричарда Львиное Сердце, а можно и во Францию, к Людовику Одиннадцатому. Или, может быть, ты предпочитаешь к нашим предкам, в Киевскую Русь?

Виктор отрицательно покачал головой:

– В Средние века мы с тобой отправимся непременно, но только не сейчас.

– Почему? – удивился я. – Ведь ты же сам только что говорил о том, как хорошо было бы навсегда переселиться в Средневековье!

– Прежде чем переселяться в Средние века, нужно основательно подготовиться. Перекупить – это не самое главное. Надо будет в совершенстве выучить язык той страны, в которую мы прилетим на Машине Времени. Ты, например, знаешь о том, что в Средние века европейцы говорили совсем не на тех языках, на которых они говорят сегодня? В средневековой Англии, например, говорили на староанглийском языке, который не понятен современному англичанину, а в средневековой Франции – на старофранцузском, который...

– Не понятен современному французу? – продолжил я мысль Виктора.

– Совершенно верно, – кивнул Виктор. – И даже если мы отправимся в Киевскую Русь, то и там мы ни с кем не сумеем объясниться, потому что древнерусский язык для современного русского уха звучит как тарабарщина. Если не веришь, то попробуй почитать «Слово о полку Игореве» в оригинале, и тогда все вопросы отпадут сами собой. Древнерусский язык по словарному составу, по морфологии и грамматике очень сильно отличается от современного. Да вот подожди, я тебе сейчас это продемонстрирую...

Виктор шагнул к книжной полке, снял увесистый том и, раскрыв его где-то посередине, прочитал: «И сице убо нам в таковых зелных скорбех пребывающим, и понеже убо такова отягчения не могохом понести, еже нечеловечески сотвористе...»

Подняв голову от книги, Виктор спросил у меня:

– Ну и как, понял что-нибудь?

Я пожал плечами:

– Не очень... Похоже на какой-то сербско-хорватский...

– А я тебе что говорил? А вот теперь послушай перевод этого же самого текста на современный русский язык.

Виктор быстро перелистнул несколько страниц и прочитал: «И когда, пребывая в такой жестокой скорби и не будучи в состоянии снести эту тягость, превышающую силы человеческие...»

Вернув книгу на полку, Виктор подошел ко мне:

– Я тебе сейчас прочитал отрывок из письма царя Ивана Грозного беглому князю Курбскому, и, как ты мог заметить, оригинал этого письма современному человеку не слишком понятен. То есть мы с тобой, Леха, оказавшись в шестнадцатом веке, вряд ли сумеем вести галантные беседы с тогдашними москвитями.

Я слушал Виктора и удивлялся. Я-то думал, посмотрев знаменитый фильм Леонида Гайдая, что царь Иван Васильевич Грозный мог запросто изъясняться с современными людьми,

а получается, что это неправда, что это всего лишь навсего авторский вымысел и что в реальности Ивана Грозного никто бы у нас не понял.

– Незнание языка – это еще полбеды, – продолжал просвещать меня Виктор. – Мы, современные люди, не знаем ни обычаев, ни привычек, ни традиций наших далеких предков. Мы не знаем, что волновало их и заботило, к чему они стремились и чего опасались. Мы вообще ничего не знаем об их повседневной жизни и поэтому будем выглядеть в их глазах инопланетянами, свалившимися с Луны. Или колдунами. А с колдунами, знаешь, как в те времена поступали? Отправляли без лишних слов на костер или на плаху.

– Так что же это получается, – сказал я разочарованно, – путешествия во времени нам сейчас недоступны? Это сколько еще пройдет лет, пока мы освоим всю эту премудрость?

– Ну почему же недоступны? – поспешил успокоить меня Виктор. – Очень даже доступны, но пока только на небольшую глубину – лет на пятьдесят, примерно. Это тот срок, когда современный человек, появившись среди людей прошлой эпохи, не вызовет у них подозрений ни своей речью, ни своим поведением, ни своим внешним видом. Поэтому мы с тобой, Алексей, отправимся для начала в Советский Союз, в эпоху Леонида Ильича Брежнева.

– То есть в те времена, когда наши родители были молодыми?

– Вот именно! Да ты не сомневайся, Леха, все будет хорошо! Я все рассчитал и продумал. Вот ты думаешь, я просто так установил Машину Времени на легковом автомобиле? Ведь ее можно было сделать и в виде неподвижного ящика размером с холодильник, но я, как ты видишь, упрятал ее в автомобиль. Ты думаешь, зачем?

– Чтобы удобно было ее передвигать?

– Не только. Еще и для маскировки. Представь себе такую ситуацию. Мы прилетели на Машине Времени в прошлое, и перед нами сразу же встает во весь рост нешуточная проблема: где ее спрятать? Если Машина Времени будет в виде неподвижного ящика весом в полтонны, то никуда ты ее не спрячешь. И что же, мы оставим нашу драгоценную Машину Времени без присмотра, а сами пойдем гулять по окрестностям? Я не уверен, Леха, что мы найдем ее в целости и сохранности, когда вернемся. А если наша Машина Времени будет замаскирована под обычный легковой автомобиль, то мы чинно, благородно припаркуемся в каком-нибудь городском сквере или во дворе и, ничего не опасаясь, пойдем заниматься своими делами. Логично?

– Логично, – согласился я.

– Вот по этой причине я и выбрал для путешествий в Советский Союз старенький автомобиль ВАЗ-2101 «Жигули», иначе говоря, «копейку». Мы с тобой незаметно прилетим, заедем в какой-нибудь двор и спокойно там припаркуемся по соседству с допотопными «Запорожцами» и «Москвичами». И ни у кого никаких подозрений по этому поводу не возникнет. Гуляй себе на здоровье!

– Ну, Виктор, ты – голова! – воскликнул я, глядя с восхищением на друга. – Все предусмотрел!

Польщенный моей похвалой, Виктор улыбнулся:

– А с автомобильными номерами, знаешь, сколько пришлось мне повозиться? У-у! – покрутил он головой. – С нынешними российскими номерами по Советскому Союзу не очень-то наездишь, поэтому мне пришлось изготовить кустарным способом номера советского образца...

Мы с Виктором просидели до утра, обсуждая детали нашего предстоящего путешествия в Советский Союз. Лишь когда в окнах забрезжил рассвет, я отправился домой. Старт мы назначили на ближайшее воскресенье, то есть уже на послезавтрашний день.

Глава 4

И вот наконец наступило воскресенье – день нашей первой экспедиции в Советский Союз.

Утро мы провели в лихорадочной подготовке к старту. Виктор еще раз проверил на «Жигулях» подвеску, тормоза и ходовую часть. С еще большим тщанием он исследовал узлы и агрегаты Машины Времени, ведь если неисправность автомобиля грозит нам разными мелкими неприятностями, то сбой в работе Машины Времени означает уже самую настоящую катастрофу. Остаться навсегда в прошлом – это еще не самое страшное, что может произойти в случае ее поломки. А вдруг Машина Времени даст сбой в момент перехода через временной туннель? Даже страшно себе представить, что произойдет тогда с нами!

Пока Виктор занимался техосмотром, я не поленился, сбегал в магазин и купил на всякий случай свежий батон и триста граммов копченой колбасы в нарезке (это для того, чтобы было чем подкрепиться, если мы вдруг проголодаемся в пути).

Закончив технический осмотр, Виктор остался доволен. Вытирая руки тряпкой, он сказал:

– Все в порядке, дружище, можно отправляться в путь.

Я подошел к «жигуленку» и, приоткрыв дверцу, спросил:

– Что, можно садиться?

– Да-да, садись давай, прямо сейчас и поедem, – кивнул Виктор, открывая со своей стороны дверцу и занося ногу в салон. – А, черт! – вдруг вскрикнул он, хлопнув себя ладонью по лбу: – Ну не дурак ли я? Самое главное чуть не забыл! Вот бы уехали!

Оставив дверцу машины открытой, Виктор стремглав побежал в «лабораторию».

Скоро он вернулся, неся в каждой руке по большому, туго набитому мешку. Судя по тому, как он свободно и без малейшего усилия управлялся с этими мешками, их содержимое почти ничего не весило.

– А это что такое? – удивленно спросил я, показывая на мешки.

– Пустые пластиковые бутылки из-под пива, – ответил Виктор, – по полтора, по два и по пять литров. Пиво я выпил, а тару, как видишь, сохранил, и теперь она нам пригодится.

– Для чего?

– Скоро увидишь.

Я не стал больше надоедать Виктору расспросами, решив, что придет время, и я сам все узнаю.

– Давай я положу мешки в багажник, – предложил я Виктору свою помощь.

– Нет у меня багажника. Вернее, он был раньше, но теперь в нем смонтирован генератор от Машины Времени. Так что, давай, Алексей, укладывай мешки на заднее сиденье, и поедem!

Наконец все приготовления были закончены, и можно было отправляться в путь. Виктор сел за руль, а я поместился рядом с ним на соседнее сиденье. От волнения у меня учащенно билось сердце. Виктор внешне казался совершенно спокойным.

– Ну что, поехали? – сказал Виктор и повернул ключ зажигания. Затарахтел мотор, «жигуленок» дернулся, и мы покатали по двору к распахнутым воротам.

– А выезжать на улицу обязательно? – спросил я. – Ведь насколько я понимаю, мы будем перемещаться во времени, а не в пространстве. Мы вполне можем перенестись в Советский Союз, никуда не двигаясь с этого места...

Виктор посмотрел на меня и улыбнулся.

– Ты только представь себе такую картину. Сентябрь 1979 года. В доме сидят мой еще неженатый отец, дед с бабкой, никого не трогают, пьют, допустим, чай с вареньем, и вдруг откуда ни возьмись у них во дворе появляется «жигуль» с какими-то двумя странными типами

в салоне. Представляешь их реакцию? И что я им скажу? «Здравствуйте, мои дорогие папа и дедушка с бабушкой, это я, ваш еще неродившийся сын и внук, прилетел к вам из капиталистической России!»

Я засмеялся:

– Да уж, лучше не встречаться с ними, а то ведь еще и в психушку сдадут!

– Запросто! – подтвердил Виктор. – Поэтому не будем, Леха, испытывать судьбу, а выедем для начала на улицу, а там уж где-нибудь и стартуем...

Мы выехали из ворот и, повернув налево, медленно покатали по улице, выбирая подходящее место для старта. Несмотря на довольно поздний час, улица как будто вымерла, лишь черная лохматая собака, выйдя из соседней калитки на шум, лениво гавкнула несколько раз в нашу сторону, и скрылась.

Возле старого заброшенного дома с выбитыми стеклами Виктор остановился. Не глуша мотор, он повернулся к пульту управления Машиной Времени и щелкнул тумблером. На верхней панели вспыхнул экран небольшого монитора, на котором мерцали какие-то цифры. Приглядевшись, я понял, что эти цифры соответствуют году, месяцу, дню и даже часу с минутами нашего сегодняшнего старта в Советский Союз. Виктор, сосредоточенно хмурия брови, покрутил маховик настройки хронометра, и на экране монитора появилась новая комбинация цифр: «09.09.1979».

– Вот сюда мы и отправимся! – сказал Виктор и нажал одну за другой несколько разноцветных кнопок на панели. Мотор «жигуленка» надрывно завыл, и я понял, что наше путешествие в Советский Союз вот-вот начнется. Вероятно, в этот момент на моем лице отразились неуверенность и страх, потому что Виктор, посмотрев в мою сторону, улыбнулся и потрепал меня по плечу.

– Ладно, не дрейфь, дружище! Все будет хорошо!

Я посмотрел через лобовое стекло на улицу и увидел, что контуры окружающих предметов начинают расплываться и дрожать мелкой дрожью. «Это мне уже знакомо, – мелькнула мысль, – сейчас все и произойдет...» Внезапно стало темно, как в погребке, в следующее мгновение вспыхнул свет, затем снова темнота, и так все быстрее и быстрее, пока наконец свет и тьма не слились в некое подобие сумерек.

Что я при этом чувствовал? К моему удивлению, ничего особенного в этот момент со мной не происходило. Я ощущал вибрацию, но эта вибрация исходила от двигателя автомобиля, который, работая на полную мощь, обеспечивал Машину Времени энергией. Я слышал рев двигателя, что опять-таки, как вы понимаете, нельзя было отнести к новым необычным ощущениям. Мы неслись с сумасшедшей скоростью сквозь время, однако мои органы чувств были не в состоянии уловить какие-либо изменения в окружающем меня пространстве.

Прильнув к боковому окну, я старался разглядеть хоть какое-нибудь движение за пределами автомобиля, но это оказалось невозможным, так как со всех сторон нас теперь окружала абсолютно непроницаемая серая мгла; причем эта мгла, по всей видимости, еще и светилась, так как в кабине ощущался полумрак, а не полная темнота, как в самые первые мгновения нашего путешествия.

– Ну и как тебе впечатления? – услышал я спокойный голос Виктора. – По-моему, ничего особенного...

– Темновато здесь, – отозвался я.

– Это легко поправимо, – Виктор потянулся к выключателю, и внутренность кабины осветилась тусклым электрическим светом. – Самая большая проблема, с которой придется столкнуться будущему путешественнику во времени, – это необходимость чем-то занять себя, пока будет продолжаться полет. Наше сегодняшнее путешествие продлится от силы минут пятнадцать, можно и потерпеть, а представляешь, если мы захотим посмотреть на живых динозав-

ров? Это же несколько дней пути! Придется брать с собой книги, фильмы, музыку, ну и, само собой, харчей побольше и еще что-то вроде биотуалета...

– А что произойдет, если сейчас высунуть в окно, например, руку? Или выпрыгнуть на ходу?

– Я думаю, ничего хорошего. Если ты выпрыгнешь из автомобиля, несущегося со скоростью двести километров в час, то вряд ли останешься цел и невредим. То же самое будет и с путешественником, который мчится сквозь время. Здесь, в кабине, мы находимся под защитой поля, генерируемого Машиной Времени, а если внезапно из этого поля выпасть, то последствия, я полагаю, будут самые печальные...

Пока мы переговаривались подобным образом, наше короткое путешествие подошло к концу. На панели тревожно замигала зеленая лампочка, предупреждая о скором прибытии. Виктор нажал поочередно несколько кнопок на панели, и Машина Времени начала притормаживать. Снова, как и в начале нашего пути, тьма сменялась светом, но это продолжалось очень недолго, и вскоре за окнами автомобиля мы увидели обычный солнечный свет. Еще несколько мгновений – и наше путешествие закончилось.

– Ну, Алексей, добро пожаловать в Советский Союз! – послышался бодрый голос Виктора.

Я с интересом выглянул в окно. Наш автомобиль находился на той же самой улице и рядом с тем же самым одноэтажным домом, возле которого мы и начали свое сегодняшнее путешествие во времени. Правда, сейчас этот дом не зиял выбитыми окнами и не казался заброшенным; в нем, несомненно, жили люди, и эти люди стояли сейчас возле калитки и во все глаза смотрели на наш синий «жигуленок», силясь понять, откуда он здесь появился.

Виктор выжал сцепление, и мы медленно поехали вперед, с любопытством присматриваясь к знакомой с детства улице. Мне показалось, что она почти не изменилась за сорок лет, отсчитанных назад, в прошлое. Все те же одноэтажные частные дома с глухими заборами, все те же чудовищные заросли лопухов и амброзии и все то же отсутствие асфальтового покрытия, имеющее следствием непролазную грязь весной и осенью.

Подпрыгивая на рытвинах и ухабах, наш «жигуленок» катился по Знаменской улице, и я, продолжая свои наблюдения, решил, что слишком погорячился, утверждая, что за сорок лет здесь ничего не изменилось. Кое-что, конечно же, стало другим. Например, в наше время вовсе не редкость встретить в частном секторе высоченный двухэтажный особняк, тогда как в советскую эпоху строить частный дом высотой более одного этажа не разрешалось. Вероятно, таким странным образом в те времена партия и правительство заботились о социальной справедливости. Чтобы обойти этот запрет, многие советские граждане усердно зарывались в землю, оборудуя себе подвальные и полуподвальные этажи (это не считалось запретным), или же, наоборот, стремились ввысь, пряча дополнительные метры под скаты крыш (это называлось в ту пору мансардами).

Покинув частный сектор, мы выехали на широкую Стрелецкую улицу, застроенную пяти- и девятиэтажными домами. Первое, что нам бросилось здесь в глаза, – это полное отсутствие всякой рекламы. С тротуаров и со стен домов исчезли все рекламные щиты, билборды, растяжки и перетяжки, вывески и стенды. Вместе с рекламой бесследно исчезли и все многочисленные ларьки и киоски, за исключением двух – газетного и пивного. Исчез огромный павильон «Покупочка», оставив после себя заросший травой пустырь. Исчезли все аптеки, кроме одной-единственной (в наше время их будет целых девять на Стрелецкой улице!) Исчез новый шестнадцатиэтажный дом, а на его месте вольготно раскинулся частный сектор.

А еще мы с удивлением обнаружили, что на советских улицах совсем немного легковых автомобилей. По сравнению с нашим временем, их число уменьшилось, наверное, раз в десять, если не больше, и к тому же среди них мы не увидели ни одной иномарки.

Бросилось нам в глаза и отсутствие бесчисленных сплит-систем, которые в наше время, подобно огромным бородавкам, сплошь усеивают стены городских зданий. Не имея возможности установить дома кондиционер (их было еще очень мало в свободной продаже), советские люди спасались от летней жары тем, что завешивали окна своих квартир старыми, пожелтевшими от солнца и времени газетами.

Иначе выглядят в Советском Союзе и люди на улице. У нас, то есть там, откуда мы только что прилетели на Машине Времени, народ любит одеваться ярко и пестро; злые языки даже поговаривают, что взрослые дяди и тети у нас носят одежду веселых детских расцветок, что не может не навевать печальных мыслей о тотальной инфантилизации населения. А вот в Советском Союзе мы увидели другую крайность: здесь преобладает одежда темных – немарких – тонов. Особенно хорошо это заметно, когда смотришь на людей в массе, например, на стоящих в очереди возле какого-нибудь магазина. Можно подумать, что это безутешные родственники собрались на траурный митинг по поводу кончины любимого дедушки.

А еще я заметил, что в Советском Союзе очень мало полных людей. Мы уже достаточно долго ехали с Виктором по многолюдной Стрелецкой улице, а я разглядел среди них всего лишь одного толстяка, сидящего на скамейке с газетой. Все остальные мужчины и женщины как на подбор были стройные и поджарые. В чем секрет их стройности? Ну, конечно же, не в том, что они голодают. Просто в советское время у людей не было столько возможностей для регулярных и обильных перекусов, как у нас. Ну что, например, мог купить в Советском Союзе гражданин, вышедший прогуляться по городу? Ну пирожок какой-нибудь с мясом или повидлом. Ну булку он мог еще купить, забежав в хлебный магазин. Ну мороженое или леденец в виде петушка на палочке. Не густо, прямо скажем! Зато в наше время чего только не найдешь в уличных ларьках и палатках! Шаурма, хычины, сосиски в тесте, пицца, гамбургеры, хотдоги, роллы, лапша быстрого приготовления... И все это жирное, калорийное и, что уж греха таить, вкусное! Идя домой, тоже чего-нибудь прихватишь с собой, чтоб не скучно было сидеть перед телевизором, – пельмени, сосиски, чипсы... Ну и, как результат всего этого – ожирение, причем нередко уже в молодом возрасте и даже у девушек.

Пока я вел свои наблюдения за повседневной жизнью советских людей, наш автомобиль выехал на Рабоче-Крестьянскую улицу.

– Вить, а мы куда, собственно говоря, едем? – поинтересовался я у Виктора. – Или мы просто так катаемся?

– Нет, Леха, нам нужно отыскать пивную для одного очень важного дела. Мешки с пустыми бутылками видишь? Ну те, что лежат у нас на заднем сиденье? Вот мы и должны их использовать.

– Найти пивную? Да ведь мы только что проехали мимо пивного ларька!

– Этот, который на Стрелецкой, нам не подходит, – покрутил головой Виктор, – он слишком на виду расположен, почти возле самой автобусной остановки. Там народ постоянно туда-сюда ходит, и менты в том числе. А нам эта публичность ни к чему. Мы себе другую пивную поищем. Старожилы рассказывали мне, что в советское время возле пивзавода была одна очень уютная пивная. В отличие от всех остальных, она в глубине сквера была расположена, и посторонние там не ходили, только любители пива. Вот мы и отправимся туда. Да это недалеко, Леха, минут десять езды, не больше...

Глава 5

Заветную пивную мы отыскивали довольно быстро. Это была типовая застекленная постройка под шиферной крышей, внешне не отличимая от обычных кафе-«стекляшек». Располагалась она в некотором удалении от проезжей части, в тени старых раскидистых кленов. Внутри пивной было расставлено десятка полтора столов – частью высоких, со столешницей, расположенной на уровне груди (за такими столами полагалось пить пиво стоя), частью обычных – вокруг них любители пива восседали на стульях. За прилавком немолодая уже продавщица в белом замызганном халате наливала из крана в кружки пенящееся пиво. Тут же, в стеклянной витрине, на продажу были выставлены немудрящие деликатесы для желающих подкрепиться: пирожки с мясом и яйцом, бутерброды с колбасой и сыром. Возле прилавка теснилась очередь из любителей побаловать себя пенным напитком. Все столы внутри пивной были заняты, и те любители пива, которым не досталось место под крышей, выходили с кружками и банками на улицу и устраивались на большом бетонном блоке, лежащем на земле.

Мы с Виктором постояли у входа в пивную, посмотрели на пирующих любителей пива, послушали радостный гул их голосов.

– Ну что же, – сказал Виктор, – кажется, это то, что нам нужно. Пошли за бутылками!

Мы рысью сбегали к «жигуленку», который был оставлен нами неподалеку от пивной, схватили мешки и быстро вернулись обратно. Войдя в пивную, мы встали чуть в стороне от входа. Виктор раскрыл мешок, достал из него двухлитровую пластиковую бутылку и, подняв ее над головой, принялся кричать, подражая интонациям рыночного зазывалы: «А вот американские пластиковые бутылки! Для пива! Полтора, два и пять литров! Подходим, не стесняемся!»

Шум в пивной стих. «Откуда, откуда бутылки? – слышались отдельные голоса. – Из Америки?»

Вокруг нас начали собираться любители пива. Горящими глазами смотрели они на невиданное чудо – на пластмассовую бутылку из самой Америки! «Что это за бутылки? А что с ними делают? – слышались возгласы. – А в какую они цену?»

Виктор, демонстрируя любителям пива пластиковую бутылку, продолжал кричать:

– Бутылки для пива! Сделаны в Америке! Почти ничего не весят, легко помещаются в сумке и даже за пазухой! Эти замечательные американские бутылки по всем параметрам превосходят наши нелепые трехлитровые банки и дедовские алюминиевые бидончики! Из американских бутылок пиво никогда не прольется! Новизна и удобство! Заграничный прогресс! Три рубля – полуторалитровая бутылка, пять рублей – двухлитровая, десять рублей – пятилитровая! Налетай, подешевело!

Я стоял рядом с Виктором и, краснея от стыда за него, думал: «Что за ерунда! Ну какой дурак, скажите на милость, станет покупать эти бутылки? И зачем он говорит, что они сделаны в Америке? Это же неправда. Только позоримся здесь...»

Однако я ошибся. Желających купить «американскую» бутылку оказалось на удивление много. Со всех сторон к нам потянулись руки с желтыми, зелеными, синими и красными бумажками. В общем возбужденном говоре, смешках и вздохах слышались отдельные возгласы: «Мне полуторалитровую бутылку! А мне две! А мне две двухлитровые!» Раздавались уже и чьи-то сердитые голоса: «Больше двух бутылок в руки не давать! В очередь! В очередь, сукины дети!»

В пять минут все наши бутылки были распроданы. Волоча пустые мешки по полу, мы с Виктором отошли к окну и быстро пересчитали выручку. Сто десять рублей! Весьма неплохо для начала. Как раз месячная зарплата начинающего советского врача!

К Виктору подходили любители пива, которым не достались пластиковые бутылки, трогали его за рукав и просительно говорили:

– Земляк! Зёма! А у тебя еще есть американские бутылки?

Виктор успокаивал их, как мог:

– Да не расстраивайтесь вы так, мужики! Привезем, обязательно привезем мы вам еще бутылок. У нас на складе их целый миллион! Через три дня мы снова приедем к вам...

После того, как ажиотаж, вызванный продажей американских, в кавычках, бутылок, улегся, и посетители пивной вернулись на свои места, я повернулся к Виктору и пожал ему руку.

– Виктор, ты – коммерческий гений! – сказал я торжественным тоном. – Дай-ка я пожму твою честную руку. По правде говоря, я не верил в эту твою затею, но теперь...

Виктор засмутился:

– Да какой я там гений! Точный расчет – и ничего больше! У нас этих бутылок – хоть задницей ешь, под каждым кустом валяются, а здесь их еще не научились производить, поэтому они и ценятся так. Единственное, что я сделал, – это снял с них старые бумажные этикетки с русскими буквами. Ну чтобы лишних вопросов ни у кого не возникало насчет их происхождения. Вот и вся, так сказать, коммерция!

Распродав бутылки, мы медлили возвращаться к «жигуленку». Нам вдруг нестерпимо захотелось попробовать советского пива. Какой у него вкус? Такой же, как у нашего? Или еще хуже? Грех было возвращаться домой, не попробовав советского пива, которым травились наши отцы и деды!

Отстояв очередь, мы купили сразу четыре кружки «Жигулевского». Гулять – так гулять! Оставалось только найти местечко, где можно было бы присесть со своими кружками. Не идти же с пивом на улицу! Вдруг мы увидели, как трое парней поднялись из-за одного стола и гуськом потянулись к выходу. «Занимай скорей места!» – мигнул мне Виктор, и мы устремились к освободившемуся столу.

– Свободно?

– Садитесь, – парень лет двадцати пяти со светлыми волосами, закрывающими по тогдашней молодежной моде уши, приветливо показал нам на стол.

Мы сели и поставили свои кружки. Виктор начал сворачивать пустой мешок, я принялся за другой.

– Ну что, – спросил парень, наблюдая за нашими действиями, – все американские бутылки продали?

– Все, – ответил Виктор, продолжая сворачивать мешок. – Хотя нет, постой... – вдруг проговорил он, вынимая из мешка полуторалитровую бутылку. – Оказывается, не все! Одна завалилась на дне...

Парень горящими глазами следил за его руками. Виктор искоса посмотрел на него, чуть улыбнулся и поставил бутылку на стол перед парнем:

– А это тебе подарок от фирмы!

Парень от удивления и удовольствия даже покраснел. Взяв бутылку обеими руками, он принялся разглядывать ее как величайшее чудо.

– Что ни говори, а все-таки Запад – это Запад! Нам никогда так не жить! Где, вы говорите, эти бутылки сделаны? В Америке? Сразу видно, что не у нас. Чувствуется американское качество. А к вам они как попали?

– У нас один знакомый в Одессе живет, – Виктор, подмигнув мне, принялся объяснять, – моряк на торговом флоте. Часто в Англию, в Америку плавает. Вот и привозит оттуда...

– А как же ему удастся провезти, чтоб не заметили?

– А он в трюме прячет, накрывает брезентом, так и везет...

Виктор нес всякую ахинею, которая приходила ему в голову, но парень верил каждому его слову. Да и как он мог не верить, если доказательство правоты Викторовых слов – чудесная пластиковая бутылка «из самой Америки» – была у него в руках!

Благодаря неслыханно щедрому подарку, отношения были установлены, и мы даже познакомились. Парня, как оказалось, зовут Васей Венерицыным, и работает он на тракторном заводе слесарем-сборщиком.

– Ну и как жизнь, Вася? – спросили мы у него. – Что хорошего в вашем городе?

– Нет у нас ничего хорошего, – буркнул Вася. – В магазинах мяса нет.

– Мяса нет? Это плохо, – посочувствовали мы. – А на работе как?

– Гусеничные трактора ДТ-75 собираем. У нас две линии на заводе. На одной трактора за границу собираем, а на другой – для всего Советского Союза.

– А в чем разница?

– В качестве сборки. Те, что за границу идут, собирают исключительно отверткой.

– А для Советского Союза?

– А как придется! Если болт не лезет, то берешь молоток и просто заколачиваешь его.

– Болт? Заколачиваешь? Так это же, Вася, вредительство!

– А мне-то что? Я свою работу сделал, а дальше – не мое дело!

Мы с Виктором переглянулись: «Вот так философия!»

Виктор помолчал, посопел, потом протянул руку к кружке:

– Хватит о грустном! Давайте лучше пиво дегустировать.

Я взял свою кружку с пивом и поднес к губам. Сделал глоток... И замер, потрясенный. Что это? Неужели этот чудесный напиток – пиво?! Я взглянул на Виктора. Он, отведав советского «Жигулевского», молча смотрел на кружку с пивом, видимо, не находя слов.

– Какой вкус! – наконец выговорил я. – Это не пиво, а какая-то амброзия...

– Да, действительно, – согласился Виктор, – вот таким, по-видимому, и должно быть настоящее пиво, приготовленное в полном соответствии с технологией. Не то, что мы у себя пьем. Помнишь, Леха, наш последний вечер в «лаборатории»?

Мы пили пиво, сопровождая этот приятный процесс возгласами удивления и восторга. Вася тоже удивлялся, но не качеству пива, а глядя на нас. Ему наши восторги были совершенно непонятны. «Обычное пиво, – бурчал он, прикладываясь к своей кружке, – ничего особенного...»

А мы... А мы с Виктором даже не пытались его переубедить. И действительно, как объяснишь человеку, что ему несказанно повезло потреть настоящий полноценный продукт и что его дети и внуки, когда вырастут, такой возможности будут лишены!

– Ребята, а почему мы пьем и ничем не закусываем? – вдруг сказал Виктор. – Хотелось бы чего-нибудь пожевать...

– А вы с солью пейте, – посоветовал Вася, – как я. Вот смотрите, – он взял из солонки щепотку соли и аккуратно насыпал по краю своей кружки дорожку из крупинки соли; потом начал пить, поворачивая кружку так, чтобы пиво лилось ему в рот, смешиваясь с солью.

– Ты как будто текилу пьешь, – удивился Виктор.

– Что-что? – вытирая пену с губ, переспросил Вася. – Какую еще текилу?

– Есть такой мексиканский напиток – самогонка из кактусов. На мой вкус – ничего особенного. Не думаю, что и пиво с солью мне понравится. Дай-ка я лучше схожу к прилавку, может, пирожков каких возьму...

Через несколько минут Виктор вернулся, неся перед собой на тарелке стопку бутербродов с колбасой и сыром.

– Угощайтесь, мужики! Можно сказать, задаром бутерброды – на рубль десять штук взял.

Я выбрал бутерброд с колбасой (на куске ноздреватого хлеба два розовых кружка колбасы) и надкусил. И опять, как и при дегустации советского пива, меня охватило ощущение

неописуемого блаженства. Боже, какая чудесная колбаса! Вкусная, душистая, розовая, одним словом, замечательная! Вот бы к нам, в наше время, такую колбасу! И ведь сделана эта колбаса не по спецзаказу для Леонида Ильича Брежнева, а самая что ни на есть обыкновенная, из первого попавшегося продуктового магазина!

Виктор, судя по всему, испытывал те же самые чувства, что и я. Он жевал бутерброд с колбасой, полуприкрыв глаза, прислушиваясь к своим ощущениям.

– Да-а, – наконец вымолвил он, – отвыкли мы у себя от настоящих продуктов. Только из-за одной этой колбасы стоит побывать в Советском Союзе. Это же не колбаса, а восьмое чудо света!

– А пиво – девятое! – поддакнул я, протягивая руку за еще одним бутербродом.

Виктор тоже взял бутерброд, но на этот раз с сыром.

– Слушай, Леха, – сказал он, жмурясь от удовольствия, – а может, мы домой купим такой колбасы? И сыра тоже? Вот у нас все удивятся!

Я не успел ничего ему ответить, так как в наш разговор вмешался Вася.

– Вы из какого колхоза приехали, чуваки? – закричал он. – Где вы здесь хорошую колбасу увидели? Вот эту? Да какая же она хорошая? Говно!

– Ну почему же она – говно? Отличная колбаса!

– Говно! – стоял на своем Вася.

– Но если это – говно, то где же тогда хорошая колбаса?

– Как где?! За границей, естественно! На Западе!

– А ты там был – за границей?

– Не был, но знаю. И все знают. Там сто сортов колбасы в магазинах, не то, что у нас. Понял? А еще там безработные на собственных автомобилях ездят. И пенсионеры по всему миру путешествуют. Не то, что здесь, в стране дураков.

– И в каких же это странах такая благодать? – спросил, усмехаясь, Виктор.

– В каких... в каких... В капиталистических!

– То есть ты, Вася, считаешь, что при капитализме колбаса лучше?

– Конечно, лучше!

– А почему?

– А потому что при капитализме колбасу делает частник, а не государство. А частник всегда делает лучше. Это – закон! Вот был бы у нас сейчас капитализм, то вы увидели бы, что такое настоящая колбаса!

Меня вдруг осенило. Я подскочил со стула и, обращаясь к Васе, сказал ликующим голосом:

– Ты хочешь, Вася, отведать настоящей капиталистической колбасы? Изволь, я тебя сейчас угощу! Вить, – повернулся я к другу, – дай-ка мне на минутку ключ от «жигуленка», я принесу ему капиталистическую колбасу.

Мигом я слетал к нашему автомобилю и, слегка запыхавшись, принес в пластиковом контейнере купленную мною накануне отлета в Советский Союз копченую колбасу.

– Угощайся, Вася! – сказал я, ставя на стол контейнер с нарезанной колбасой. – Вот это – колбаса, привезенная из самой настоящей капиталистической страны, – подумав немного, я добавил: – Она приехала вместе с «американскими» бутылками. Кушай!

Виктор посмотрел на мою колбасу и засмеялся. Он отлично понял мою мысль и теперь с наслаждением следил за реакцией Васи. Однако Вася оказался не лыком шит. Подозрительно покосившись на контейнер, он сказал:

– А вы почему не едите?

– Не доверяешь, Вася? – сказал я и, взяв из контейнера кружок колбасы, начал жевать. Н-да... Ну и колбаса... Ей-богу, даже стыдно предлагать ее гражданину Советского Союза!

Какая-то кисловатая, рыхлая, неестественный привкус химии чувствуется... Тем не менее я мужественно дожевал свой кусок, после чего пододвинул контейнер к Васе:

– Ну, давай, налетай на капиталистическую колбасу! Мечтаешь, небось, о такой?

Вася вытащил из коробки кружок колбасы, осмотрел его со всех сторон, понюхал, потом осторожно надкусил. Лицо его брезгливо сморщилось:

– Что это?!

– Колбаса из капиталистической страны, как ты и мечтал, Вася!

– Ну и гадость! Из чего она сделана?

– Ты хочешь знать, Вася, из чего при капитализме делают колбасу? Изволь, я тебе сейчас расскажу. В этой колбасе настоящего мяса – процентов семь, не больше, а все остальное – это различные наполнители и добавки: измельченная свиная шкура, соевый белок, каррагинан, ароматизаторы с колбасным вкусом и всякая другая химия. И кроме того, эта колбаса вовсе не копченая, как ты, может быть, думаешь, а обработана специальным химическим составом, имитирующим копчение...

Вася недоверчиво посмотрел на меня:

– Как ты сказал? Кар... карар... карараргинан... А для чего эта хрень нужна в колбасе?

– Чтобы сделать ее дешевле, Вася. Чтобы бедные люди тоже могли побаловать себя колбаской, а не только одни богачи...

Виктор, который в этот момент держал в руке кусок моей колбасы и подозрительно к нему прихихивался, сказал:

– Одно небольшое уточнение, Леха. Богачи колбасу в магазине не покупают, магазинная колбаса предназначена исключительно для питания бедных слоев населения. Каррагинан, соя и свиная шкура пришлись богачам как-то не по вкусу.

Вася слушал наши объяснения с недоверчивой ухмылкой на лице; он был уверен, что мы с Виктором его разыгрываем.

– Вы все врете! – сказал он с усмешкой. – Эту колбасу сделали не за границей, а в каком-нибудь нашем вонючем колхозе. В капиталистических странах не станут делать такую колбасу, потому что там мяса полным-полно. Это у нас, в Советском Союзе, в магазинах мяса нет, поэтому и лепят колбасу из карар... в общем, из чего придется. И бедняков в капиталистических странах тоже нет, там даже безработные на личных автомобилях катаются...

– Ну это мы уже слышали, – сказал Виктор.

– Слышали – не слышали, а так оно и есть! Что, правда глаза колет? То-то же!

Вася довольно улыбался; он был уверен, что сумел раскусить наш розыгрыш с «капиталистической колбасой». Отхлебнув из кружки, он предложил:

– Кстати, хотите свежий анекдот, чуваки? Так сказать, в тему?

– Анекдот? Ну, валяй...

Пригнувшись к столу и сделав голос тише, Вася начал рассказывать:

– Короче, в Кремле проходит двадцать пятый съезд КПСС. Брежнев на трибуне делает доклад: «За отчетный период в стране на сто процентов выросло производство угля, на двести процентов – чугуна и стали...» А тут ему – раз! – и записка из зала: «Леонид Ильич, почему в магазинах мяса нет?» А Брежнев и отвечает: «Товарищи! Мы идем к коммунизму семимильными шагами, и скотина за нами не поспевает!..»

В этот вечер мы просидели в пивной до самого закрытия. Пили пиво, разговаривали, слушали советские анекдоты (Вася знал их без счета). Эти анекдоты прекрасно передавали дух эпохи, в которой, благодаря научному гению Виктора, мы оказались.

Расставались мы с Васей, довольные друг другом. Увидев наш автомобиль, припаркованный неподалеку от пивной, он сказал с уважением:

– Ого! У вас «Жигули»! Хорошо живете! – и, дурачась, пропел на мотив известной советской песни:

А где мне взять такую тещу,
Чтоб мне купила «Жигули»!..

Мы засмеялись. Прощаясь, Вася дал нам номер домашнего телефона своей сестры – на тот случай, если мы, приехав в этот город еще раз, захотим повидаться с ним. «Звоните, сеструха с мужем живет в соседнем доме, она мне передаст», – сказал Вася перед тем, как скрыться в темноте.

Через несколько минут Машина Времени уносила нас с Виктором домой.

На наш взгляд, первый день в Советском Союзе прошел удачно. Мы продали все пластмассовые бутылки, выручив солидную сумму в советских рублях. А еще мы познакомимся с Васей – местным аборигеном. И деньги, и Вася должны будут облегчить нам дальнейшее знакомство с жизнью Советского Союза.

Глава 6

Наша вторая экспедиция в Советский Союз состоялась через неделю, в следующее воскресенье. Оставив «жигуленок» в одном из дворов в центре города, мы с Виктором поспешили к ближайшей телефонной будке, чтобы позвонить сестре Васи Венерицына (мы хотели с ним встретиться). В кармане у Виктора нашлась маленькая бронзовая монетка достоинством в 2 копейки, полученная в прошлый раз на сдачу (ровно столько, оказывается, стоит телефонный звонок в Советском Союзе). Виктор зашел в кабинку со стеклянными стенками, снял трубку и набрал номер.

– Здравствуйте, – вежливо проговорил он в трубку, – это вам звонят Васины друзья. Мы приехали из другого города, и хотели бы с ним сегодня встретиться. Вы не могли бы... Что-что? Вася у вас дома? Позовите, пожалуйста, его к телефону!

– Вася, оказывается, у нее в гостях, – прикрывая ладонью трубку, шепнул мне Виктор, а потом снова заговорил в трубку своим обычным голосом: – Привет, Васек! Как дела? Ты что сегодня делаешь? Ничего? Так, может, давай встретимся? А где? На набережной? У «Трех девиц»? Все понял! Договорились! В три часа мы будем на набережной!

Закончив разговор с Васей Венерицыным, Виктор повесил телефонную трубку на рычаг, и мы отправились на набережную Волги. Идти было недалеко, и мы, чтобы дать Васе время собраться и приехать, шли не спеша, глядя по сторонам и делясь друг с другом впечатлениями.

По сравнению с нашим временем, центр города сильно изменился. Монументальные здания послевоенной постройки, разумеется, никуда не делись, но вот, что касается внешнего облика городских улиц, то здесь перемены были большие. Прежде всего с улиц исчезла вся коммерческая реклама, а вместе с нею и почти все торговые киоски и павильоны, за исключением нескольких газетных; исчезли все «бутики», «кафе» и «салоны красоты», оккупировавшие в наше время первые этажи большинства зданий в центре города; исчезли автомобильные пробки и заторы на дорогах, что, конечно же, не могло не удивлять нас, путешественников из другой, более поздней эпохи.

Подходя к набережной, мы еще издали увидели знаменитый фонтан, возле которого Вася Венерицын назначил нам сегодня встречу. Этот фонтан был сооружен лет через десять после войны и с тех пор является одной из главных достопримечательностей нашего города. Он выполнен в виде высокого гранитного пьедестала, установленного посреди небольшого бассейна с водой. Пьедестал увенчан бронзовой скульптурной композицией, которая изображает трех танцующих девушек в народных костюмах. В официальных документах фонтан называется, если мне не изменяет память, «Дружба народов», но это идеологически выверенное название в народе почему-то не прижилось, и все знают его теперь, как фонтан «Три девицы».

Набережная – излюбленное место отдыха для жителей нашего города. Они приходят сюда с детьми, с друзьями и подругами, и знаменитый фонтан служит естественным местом сбора и встреч. Собираясь на набережную, обычно так и говорят, что давайте, мол, встретимся у «Трех девиц», и всем сразу ясно и понятно, куда следует направлять свои стопы.

Для отдыхающих на набережной поставлены скамейки; на одной из них мы заметили Васю Венерицына, который сидел, закинув ногу на ногу, и курил сигарету.

Увидев нас, Вася поднялся, щелчком пальцев ловко послал окурок в урну, после чего направился в нашу сторону.

– Привет, Васятка! – приветствовали мы его. – Что нового у вас в городе?

– А что может быть у нас нового? – отвечал он, пожимая нам руки. – В магазинах мяса нет... А вы что, опять американские бутылки привезли?

– Нет, – сказал Виктор, – у нас сегодня выходной. Мы не можем все время возиться с бутылками, надо и отдыхать когда-нибудь. Да, кстати, Васек, какие сегодня вечером в вашем городе намечаются увеселительные мероприятия?

Вася пожал плечами.

– Да какие у нас могут быть мероприятия? Известно, какие... В кино можно сходить на вечерний сеанс, можно просто по городу прошвырнуться, а можно и на дискотеку в Дом офицеров... Я, когда сюда шел, объявление видел.

– На дискотеку? – сказал заинтересованно Виктор. – Это, пожалуй, мысль! Я сто лет не был на дискотеке, тем более на советской. Может, и в самом деле сходим? Как вы считаете, мужики?

– Давай, – согласился я. – А ты, Вася, как?

– А что я? Я – как все!

На том и порешили. Бодрым шагом мы с Виктором направились к Дому офицеров, а Вася почему-то замешкался.

– Ты чего отстаешь? – обернулись мы к нему. – Давай, шевели поршнями!

– А вы, я вижу, прибарахлились, – сказал он заинтересованно.

– Ты это о чем? – не поняли мы.

– Прибарахлились, говорю, – повторил Вася, – джинсы себе новые купили...

– И что?

– Да так, ничего, – Вася подошел ближе, наклонился и стал внимательно изучать наши задницы, облаченные в голубую джинсовую ткань. – Ага, все ясно! – он выпрямился и, как мне показалось, с сожалением посмотрел на нас с Виктором. – Все ясно, это у вас, чуваки, не «фирма»! (Это слово он произносил с энергичным ударением на последнем слоге – «фирма».) Нет, не «фирма»!

– Не «фирма»? Это как понимать?

– А так и понимать, что это у вас не настоящие джинсы, не фирменные. Явный самопал!

– Неужели? – мы с Виктором посмотрели друг на друга и улыбнулись. – И по каким же признакам ты это вычислил?

– Да по всем! Вот смотрите, – Вася ткнул пальцем в мои джинсы, – вот здесь, сзади, на «лейбле», название джинсов – «Монтана», а рядом с названием нарисован маленький кружочек, а в кружочке английская буква «рэ»...¹

– Ну и что?

– А то, что эта буква означает по-английски «рипит», то есть «повторение».

– Что еще за «повторение»?

– А то, что это не настоящие, не фирменные, не американские джинсы, а «повторённые», то есть сделанные где-то в другом месте, скорее всего, в Югославии или в Польше, и вот эта буква «рэ» в кружочке как раз об этом и говорит...

Виктор смотрел, смотрел на Васю Венерицына и вдруг расхохотался. Он приседал от смеха, вскрикивал, ударял себя руками по коленям, вытирал, сняв очки, выступившие на глазах слезы... Вася, не понимая причины столь бурного веселья, с удивлением глядел на него.

Отсмеявшись, Виктор с трудом перевел дух и сказал:

– Ну, Василий, ты и даешь! Много всякой чепухи я слышал за свою жизнь, но чтобы такое...

– Никакая это не чепуха... – хотел возразить Вася, но Виктор не дал ему договорить:

---

¹ MONTANA ®. Здесь описан вовсе не анекдот, как может подумать читатель, а реальный случай из советского быта с некоторыми, разумеется, поправками и добавлениями, необходимыми для развития сюжета.

– Чепуха самая настоящая и есть! Латинская буква «R» в центре кружочка означает, что название этого товара официально зарегистрировано, то есть оно принадлежит исключительно данной фирме, и никому другому. А сама буква «R» происходит от английского слова «registered», то есть «зарегистрированный». Не «рипит», как ты говоришь, а «регистед»! Я на Википедии месяц назад как раз об этом читал!

Вася, иронически сощурился, усмехнулся:

– Википедия? Это что, книга такая? Не знаю, что там пишут в твоих книгах, но могу сказать абсолютно точно, что «рэ» – это «рипит». Со мной, кстати, была похожая история. Я на «толчке» не доглядел и купил джинсы «Монтана» с точно такой же буковкой «рэ» в кружочке, и ношу себе как дурак! Спасибо, один знакомый надоумил, что это значит. Я тогда, помню, метнулся в следующее воскресенье опять на «толчок» и спихнул поскорее свою поддельную «Монтану» одному лоху. А себе другие джинсы купил, без буквы «рэ»...

– С тобой невозможно спорить, ей-богу! – начал уже сердиться Виктор. – Ты ни хрена ничего не понимаешь и понимать не хочешь! Буква «R» как раз и говорит о том, что это и есть самый что ни на есть фирменный товар!

– А не надо со мной спорить! – сказал, как отрезал, Вася. – Я лучше тебя разбираюсь в таких делах. Я на «толчке», можно сказать, всю свою сознательную жизнь прожил...

– А, кстати, что такое «толчок»? – вмешался я в разговор, желая разрядить начинающую накаляться обстановку. – Синоним сортира?

– Какого еще сортира?! – возмутился Вася. – «Толчком» у нас в городе вещевой рынок называется, от слова «толкаться», наверно. Там всегда большая толпа...

– А-а, вон оно что, – сообразил я, а Вася принялся рассказывать дальше. – Вот эти штаны, – он дотронулся до своих джинсов, – у меня третьи по счету. «Вилд кэт» называются. Английские! Купил я их за двести девяносто рублей. И ты думаешь, что я после этого не разбираюсь в джинсах?

– За сколько, за сколько ты купил эти свои штаны? – изумился Виктор. – За двести девяносто?! Да это же почти три месячные зарплаты начинающего советского врача!

– Ну и что, – самодовольно усмехнулся Вася, – красиво жить не запретишь! – и он полез в карман за сигаретами, намереваясь закурить.

Воспользовавшись минутным перерывом в разговоре, Виктор наклонился ко мне и быстро шепнул на ухо:

– У нас на одну зарплату молодого врача можно купить пять хороших джинсов, а здесь, продав эти штаны, мы выручим сумму, равную пятнадцати врачевным зарплатам. Смекаешь?

– Смекаю, – ответил я, – не зря, выходит, мы с тобой сегодня сюда прилетели. Полезная информация!

– Еще какая полезная!

Вася, закурился сигаретой и пуская из ноздрей дым, продолжал посвящать нас в тайны советского быта:

– В наших магазинах хороших вещей не купишь, поэтому, если ты хочешь классно выглядеть, надо или на «толчок» ехать, или непосредственно у фарцовщиков покупать.

– А кто такие «фарцовщики»? – поинтересовался Виктор.

– Ну вы даете, мужики! – Вася от удивления вытаращил на нас глаза. – Сами торгуют американскими бутылками и не знают, кто такие фарцовщики! В какой дыре вы живете? – сказав это, он назидательно поднял указательный палец. – Фарцовщики – это те, кто перепродает фирменные вещи!

– То есть спекулянты? – уточнил Виктор.

– Можно сказать и так, конечно, но не в этом дело.

– А в чем?

– А в том, что, кроме, как у фарцовщиков, заграничные вещи у нас, в стране дураков, взять негде.

– Ну а сами фарцовщики где их берут?

– У иностранцев, где же еще! Кто-то к интуристам на улицах пристаёт, кто-то деловые контакты с иностранцами налаживает. Иностранцы студенты, кстати, много дефицита привозят. У меня был один приятель, студент из мединститута, так он жил в общежитии в одной комнате с негром – студентом из Танзании. И этот негр, когда на каникулы домой в Африку ездил, всегда несколько штук джинсов с собой привозил.

Тут Вася, видимо, припомнив что-то, прыснул со смеху.

– Ты это чего, Вася? – спросили мы у него.

– Да вот вспомнил смешную историю с этим негром-студентом. Он, как рассказывал мне приятель, неожиданно сошел с ума, и его забрали в психбольницу. А проявлялось его сумасшествие в том, что он себе все время кашу варил. И днем и ночью. Сварит, съест – и опять варит! Так вот, когда санитары его увели, приятель открыл из любопытства его шкаф, а там одних только джинсов, наверно, штук пять лежало! Ну, приятель, не будь дурак, схватил одни джинсы и спрятал у себя на койке под матрасом. И только он успел это сделать, как пришли другие негры – земляки того, который с ума сошел, – и все его вещи из шкафа вытащили и куда-то с собой унесли.

– А пропажу они не заметили? – спросил я.

– Не заметили, они же не знали в точности, сколько всего барахла у ихнего земляка было. Зато приятель новыми классными джинсами обзавелся!

– Ну я так понимаю, – сказал Виктор, – что фирменными вещами только у фарцовщиков разжиться можно?

– Почему только у них? – возразил Вася. – Совсем не обязательно. Родственники, например, могут привезти из-за границы. А можно, – тут Вася снова прыснул со смеху, – а можно и самому какой-нибудь дефицит соорудить.

– Это как? – спросили мы у него.

– А очень просто! Вот, как я, например. Я, когда из армии пришел, то принес с собой куртку военную, защитного цвета. Не такую, как обычный кителёк, вроде пиджака, в котором все демобилизованные солдаты приходят, а другую, с накладными карманами на груди и по бокам. Уж не знаю, какому роду войск эта куртка принадлежала, но только, скажу я вам, куртка классная! Как заграничная, в кино еще такие увидеть можно. Я ее за тридцать рублей у одного сержанта перекупил. Так вот, когда я пришел из армии, то взял желтые нитки и на левом нагрудном кармане вышил надпись английскими буквами «Юэс Арми»² – ну, с понтом, что это американская военная куртка.

– То есть ты, Василий, не успев демобилизоваться из Советской армии, принялся имитировать куртку потенциального военного противника?

– Ну и что такого? Подумаешь! Зато куртка классная получилась. Как настоящая американская. Все пацаны мне завидуют, когда я в ней на улицу выхожу.

– Так ты и сейчас в ней ходишь?

– Ну а как же! Вот как похолодает, так я ее и надену, и вы тоже обзавидуетесь, когда увидите.

Переговариваясь подобным образом, мы шли по проспекту имени Ленина – главной улице нашего города. Вечер был тихий и теплый. Горожане, молодые и старые, надев свои самые лучшие одежды, неторопливо прогуливались рядом с нами.

«И откуда у советских людей вот это раболепие перед границей? – думал я, прислушиваясь к голосу Васи Венерицына. – За штаны с английскими буквами на этикетке они готовы

---

² US ARMY. Это тоже реальная история из советского быта.

отдать две или даже три свои месячные зарплаты. Почему? Неужели в этом виноват так называемый советский дефицит? Я думаю, нет! Дело вовсе не в дефиците. Я уверен на все сто процентов, что если бы советским гражданам предложили точно такие же штаны, но только с русскими буквами на этикетке, то они ни за что не стали бы платить за них такие сумасшедшие деньги, даже если бы во всем остальном эти штаны ничем не отличались от американских. Для советских людей важна не просто вещь, а именно заграничная вещь. Только в этом случае они смогут почувствовать себя гордыми и счастливыми...

«С версией о советском дефиците, как первопричине возникновения низкопоклонства перед Западом, не вяжется и вся наша история, – продолжал размышлять я. – У нас ведь всегда, во все времена и во все эпохи, обыватель млеет от одного лишь вида сделанной за границей вещи. Уже Чацкий у Грибоедова с горечью восклицает, что нам в России необходим кто-то, кто мог бы «...словом и примером нас удержать, как крепкою возжой, от жалкой тошноты по стороне чужой». Знакомые интонации, между прочим! А ведь эта пьеса написана при царбатюшке Александре Павловиче Первом, то есть двести с лишним лет назад, когда никакой советской власти еще и в помине не было. Советской власти не было, а страсть к заграничному уже была!

«Справедливости ради, следует заметить, что высшие власти периодически пытаются искоренить в нас это позорное низкопоклонство перед Европой, всячески стимулируя патриотизм и любовь к исконным традициям и скрепам, но – увы! – если это и действует, то не очень долго. Страсть к заграничному берет в конце концов верх, и на смену очередным «заморозкам» приходит неизбежная «оттепель»...

Погруженный в свои мысли, я не сразу заметил, что Виктора и Васи рядом со мной нет. Оглянувшись, я увидел, что они стоят у дверей магазина «Вино» и призывно машут мне руками.

Я подошел к ним.

– Ты что, оглох? – набросились они на меня. – Мы зовем тебя, зовем...

– А вы зачем тут остановились? – сказал я. – Мы ведь на дискотеку, кажется, идем.

– Правильно, идем, – ответил Вася, – но сначала надо в магазин заскочить.

– Зачем?

Вася посмотрел на меня, как на маленького.

– Ну кто же ходит на танцы тверёзым? – сказал он, хитро сощурившись. – Дерябнуть надо, и тогда идти!

Я возражать не стал, и мы все вместе зашли в магазин «Вино». Очереди здесь никакой не было, и мы, посоветовавшись у прилавка, решили купить портвейн «Иверия», который продавался в бутылках по 0,7 литра, называемых в народе за их размер «огнетушителями». (Когда к отцу в гости приходили его друзья, и они, сидя за столом, начинали вспоминать прошедшую молодость, то в этих воспоминаниях обязательно фигурировал знаменитый советский портвейн «Иверия».) Из-за этого портвейна у меня даже возник спор с Виктором и Васей по поводу того, сколько бутылок взять. Вася, возбужденно доказывая, что меньшим количеством хмельного напитка мы не сумеем достичь нужной кондиции, требовал купить непременно три бутылки. Я хотел ограничиться одной, а Виктор, как самый рассудительный из нас, предложил «соломоново решение» – две бутылки. На том и порешили.

Купив портвейн, мы столкнулись с маленькой проблемой: как и в чем нести бутылки с вином? Не пойдешь ведь по улице с «огнетушителями» наперевес!

Но тут я вспомнил, что в кармане моего пиджака лежит свернутый в несколько раз полиэтиленовый пакет, захваченный на всякий случай перед стартом в Советский Союз. В него я и предложил поместить наши бутылки с портвейном.

Увидев мой пакет (у нас такие пачками продаются чуть ли не в каждом киоске), Вася Венерицын пришел в неописуемый восторг.

– Ты погляди-ка, бляха-муха, фирменный пакет! – у Васи даже голос сел от волнения. – У нас на «толчке» такие по пятнадцать рублей штука продаются. Ни фиги себе! А что здесь написано? – Вася поднес к глазам пакет и по складам прочитал английские слова: «ду-ти... фри... а-ме-ри-кан...» – выпрямившись, он с уважением посмотрел на меня. – О, настоящий пакет из Америки! У меня, кстати, года два назад тоже был фирменный пакет. Я с ним в центр города гулять ходил. Вставлял внутрь картонку и ходил по главным улицам. Ох, и завидовали мне!

– А картонку-то зачем? – поинтересовался Виктор. – С какой целью?

– Чтобы пакет все время в развернутом виде был, – пояснил Вася, – ну чтобы видно всем было, что пакет из-за границы.

– Так и ходил с пустым пакетом? – продолжал удивляться Виктор.

– Так и ходил... А зачем в него что-то класть? Чтобы он порвался скорей? А с пустым пакетом я почти целый год ходил по городу...

Виктор многозначительно посмотрел на меня: понимаешь, мол, что это значит? Я молча наклонил голову: очень даже все понятно, полиэтиленовые пакеты нам тоже пригодятся для будущих коммерческих операций в Советском Союзе.

Вася так восторгался пакетом, так цокал языком и всплескивал руками, что мне даже стало неловко за него. Чтобы поскорее прекратить поток славословий, я клятвенно заверил Васю, что подарю ему этот пакет сразу же после того, как мы донесем наши бутылки до места назначения.

Слово свое я сдержал. Когда после недолгих поисков мы нашли укромный уголок во дворе старого дома сталинской постройки (в центре города почти все дома такие), я вынул бутылки с портвейном из пакета, поставил их рядышком на землю, а пакет передал Васе со словами: «Принимай американский дефицит!»

Вася очень бережно – «Чтобы краска не потерялась!» – сложил пакет в несколько раз и спрятал во внутренний карман пиджака.

– Ну теперь я пройду по центру города! – сказал он, залихватски подмигнув мне.

Мы сели втроем на скамейку и принялись по очереди пить портвейн прямо из горлышка бутылки или, как выражался Вася Венерицын, – из «горла» (произносится с ударением на последнем слоге). Весьма сомнительное, надо сказать, удовольствие! Несколько раз мне даже пришлось преодолевать приступ подступающей к горлу тошноты. Виктору, судя по тому, как он кривился и морщился после каждого глотка, знаменитый портвейн «Иверия» тоже не особо понравился. Один раз он даже вскрикнул, подавляя рвотные судороги: «Какая гадость, этот ваш портвейн!» Лучше всех переносил питье из «горла» Вася Венерицын, но он был человек советской закалки, по всей видимости, привычный к удовольствиям такого рода.

Наконец весь портвейн был выпит. Я прислушался к своим ощущениям. В голове появилась приятная пустота, окружающий мир заиграл новыми яркими красками, и еще почему-то у меня возникло предчувствие каких-то необыкновенных событий. Я вспомнил, что мы сегодня идем на дискотеку, и мне нестерпимо захотелось подвигаться под музыку, найти в толпе красивую стройную девушку, протянуть ей руку, заглянуть в глаза, закружить в ритме танца...

– Ну что, пацаны? – сказал я, поднимаясь. – Не пора ли нам на дискотеку?

У пацанов, очевидно, были те же самые мысли. Как по команде, они встали с лавочки, вынули из карманов сигареты, закурили, и мы все вместе быстрыми шагами покинули гостеприимный двор.

Глава 7

Возле Гарнизонного Дома офицеров было оживленно. На улице слышалось приглушенное стенами ритмичное буханье музыки, а в больших темных окнах на втором этаже мелькали красные, синие и зеленые сполохи, – очевидно, там уже полным ходом шла дискотека. Молодежь кучками стояла у входа в Дом офицеров, смеялась, курила, а некоторые даже приплясывали в предвкушении интересного вечера.

Купив в кассе билеты, мы поднялись на второй этаж. Там, в большом холле, шевелилась толпа молодежи. Огромные звуковые колонки оглушали ревом музыки. У стены, на специальном возвышении, суетился возле музыкальной аппаратуры длинноволосый «ди-джей». Время от времени он подносил ко рту микрофон и кричал, представляя очередную музыкальную композицию: «А теперь я покажу вам вещь...», после чего начинала звучать новая мелодия. Впрочем, ничего нового я здесь не услышал; на мгновение мне даже показалось, что я никуда и не отлучался из нашего мира, а просто попал каким-то случайным образом на съемки передачи «Дискотека 70-х»...

Хотя молодежи на дискотеке собралось много, танцевали далеко не все. Человек пятнадцать в центре зала топтались под музыку, выделявая ногами и руками незамысловатые па, в то время как большинство парней и девушек или стояли вдоль стен, разглядывая окружающих, или же неторопливо прохаживались по залу. Среди танцующих выделялся своим необычным видом парень лет двадцати, наряженный, словно ковбой из американского вестерна. На нем были темно-синие джинсы, клетчатая рубашка, джинсовый жилет, на ногах его красовались коричневые полусапожки, а на голове – черная ковбойская шляпа. Бог весть, где и какими путями раздобыл он весь этот гардероб, но было заметно, что он очень гордится собой, своим внешним видом и вообще считает себя самым «крутым» в этом зале. На мой взгляд, в своем ковбойском наряде он выглядел, мягко говоря, не совсем адекватно; но и для него, и для большинства окружающих вопрос адекватности или неадекватности решался, судя по всему, очень просто: «Вещи на нем какие? Из-за границы? Значит, все в порядке, и можно не комплексовать по этому поводу!»

Парень в ковбойском наряде являл собой крайнюю, можно даже сказать, патологическую степень обывательской американофилии, а в меньших дозах ею были заражены почти все парни и девушки, пришедшие на дискотеку. Как будто стараясь перешеголять друг друга, они прохаживались с гордым видом по залу в джинсах, в джинсовых комбинезонах, в каких-то сверхмодных заграничных «пусерах» и «шузах», некоторые держали в руках пестрые полиэтиленовые пакеты, исписанные английскими словами, и было заметно, что эти пакеты внутри себя ничего не содержат.

А еще я обратил внимание на стоящего у стены тощего белобрысого парня, одетого в коричневый батник с короткими рукавами. Нагрудный карман батника был украшен небольшим «лейблом», а на «лейбле» виднелась надпись синими буквами: «Jimmy Carter». Батник, вероятно, являлся для парня предметом особой гордости. Время от времени он опускал голову, чтобы полюбоваться на свой батник, а полюбовавшись, выпрямлялся и начинал смотреть по сторонам, желая, очевидно, узнать, какое впечатление производят он и его батник на окружающих...

– Ну что, мужики, – сказал Вася Венерицын, – пойдём попляшем, или как? – говоря это, он переминался с ноги на ногу, приседал и раскачивал опущенными руками, как будто изображая некий энергичный танец. – Кстати, я уже присмотрел тут себе одну «телочку»...

Мы ничего не успели ответить Васе, потому что в нескольких шагах от нас вдруг раздался бешеный взрыв ругательств, послышались истерические женские крики и глухие звуки ударов. Толпа раздалась в стороны, и на освободившемся пространстве я увидел двух парней,

размахивающих кулаками. На мгновение они замерли друг против друга, и я услышал хриплый протяжный крик: «Ты зачем к ней лезешь, урод? В рыло захотел?!» И схватка закипела с новой силой...

Больше всего в этой безобразной сцене меня поразила реакция девушек. Вместо того чтобы испугаться и убежать прочь, как и подобает хрупким эфемерным созданиям, многие из них, наоборот, начали проталкиваться поближе к дерущимся, чтобы без помех насладиться бесплатным зрелищем. «Прямо, как в римском амфитеатре!» – успел еще подумать я.

Драка, впрочем, продолжалась недолго. Со стороны лестницы послышался начальственный окрик: «А ну, прекратить!», и сквозь расступившуюся толпу к драчунам приблизились милиционер и трое дружинников с красными повязками на рукавах. Милиционер крепко взял одного из драчунов под руку и повел к выходу, дружинники потащили упирающегося второго. Порядок таким образом был восстановлен, и толпа, обсуждая скандальное происшествие, вернулась на свои прежние места.

Вася, поглядев на драчунов, которых уводили блюстители порядка, повернулся к нам и, презрительно усмехнувшись, сказал:

– Драчуны, мать иху, лезут в драку, а сами драться не умеют! Вы заметили, как они удары наносят? Как будто кролем плывут – машут из-за головы.

– А как же надо... э-э... наносить удары? – поинтересовался Виктор.

– Бить надо от плеча, не размахиваясь! Вот так! – Вася принял позу, напоминающую боксерскую стойку. – А иначе противник легко отразит ваши удары. Удар должен наноситься по кратчайшему пути, вот так! Резко! – он несколько раз энергично ударил по воздуху обеими руками. – А эти дурни стоят и машут лапами, как два медведя. Тьфу, глаза б мои не глядели!

– А ты что, боксом занимался, Васек? – спросил Виктор.

Вася скромно потупился.

– Да так... Было когда-то в юности...

Виктор повернулся ко мне и вполголоса сказал: «Кстати, нам с тобой, Леха, попадать в милицию категорически не рекомендуется. У нас ведь нет с собой советских документов...»

– Ясное дело, – ответил я, впервые за все время пребывания в Советском Союзе почувствовав всю уязвимость и незащищенность нашего здесь положения.

Между тем Вася снова начал настойчиво звать нас на танцы:

– Да пойдем подрыгаемся, – говорил он, переступая ногами в такт музыке, – что зря время-то теряем!

Мы пробрались сквозь толпу в центр зала, туда, где танцевала молодежь, и, встав полукругом, тоже начали двигаться в такт музыке. Я посмотрел на парней и девушек, которые танцевали вокруг меня, и принялся копировать их движения. Постепенно мне стало очень весело, благо хмель от портвейна не успел еще выветриться из моей головы. Вскоре я уже никому не подражал в своих движениях, а выделял под музыку свои собственные «па», стараясь главным образом, чтобы это выходило уверенно и бодро. Вася и Виктор отплясывали рядом со мной; они энергично двигали руками и ногами, приседали, подпрыгивали, крутились вокруг своей оси, а Вася еще и громко вскрикивал с подвываниями в самых «забойных», как он выражался, местах.

В общем, говоря молодежным языком тех лет, мы «отрывались» на славу. Я уже понемногу начал присматриваться к танцующим девушкам, выбирая, которую из них можно будет пригласить на медленный танец. Больше всех мне понравилась одна высокая брюнетка в коричневых вельветовых брюках, танцевавшая по соседству. Как я успел заметить, парня у нее не было, и на танцы она пришла со своей подругой. На меня она, правда, не обращала никакого внимания, но, разгоряченный винными парами, я не терял надежды провести с ней интересный во всех отношениях вечер. «Вот приглашу ее на танец, – думал я, – а дальше, как говорится, вопрос техники!»

Наконец заиграла медленная мелодия. Пригладив ладонью волосы на голове, я уже было направился к своей красавице-брюнетке, как вдруг из динамиков прогремел голос «ди-джея»: «Белый танец! Дамы приглашают кавалеров!»

Я так и застыл на месте. Проклятый «ди-джей»! Все мои планы нарушил!

Чертыхаясь про себя, я отступил к стене, за мной потянулись Виктор с Васей. «А может, она сама ко мне подойдет?» – мелькнула отчаянная мысль, но – увя! – красавице-брюнетке было не до меня. Как, впрочем, и всем остальным девушкам в этом зале. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как стоять у стены и завидовать тем немногочисленным, кстати, счастливым, которых выбрали девушки.

– А что, мужики, может, перекурим? – предложил Вася. – Да и в сортир пора бы уже наведаться...

Я, разочарованный превратностями судьбы, не прочь был сделать перерыв в танцах, Виктор, судя по всему, тоже. Но не успели мы сделать и шагу, как к Виктору вдруг подошла небольшого роста девушка со светлыми стриженными волосами и, скромно потупившись, вымолвила тихим голосом: «Можно пригласить вас на танец?»

Виктор удивленно взглянул на нее, потом на нас, потом снова на нее. «Конечно», – сказал он и, как мне показалось, не слишком уверенно направился в центр зала, к танцующим. Девушка последовала за ним, ее длинная клетчатая юбка раскачивалась из стороны в сторону в такт шагам.

Лицо этой девушки показалось мне странно знакомым, хотя я и не мог вспомнить, где я видел ее раньше. Здесь, в Советском Союзе, я ее не встречал, в нашем времени – тем более. Скорее всего, решил я, она просто похожа на какую-нибудь малоизвестную актрису из зарубежного кинофильма.

Оставив Виктора танцевать с незнакомкой, мы с Васей спустились в туалет, расположенный этажом ниже. Туалет представлял собой большое помещение, в котором, как оказалось, не только справляли большую и малую нужду, но еще и курили. Человек двадцать теснились здесь, пуская дым в потолок. Накурено было крепко. «Здесь можно и без сигарет курить, – сказал я, жмурясь от едкого дыма. – Просто заходи и вдыхай поглубже!»

Вася засмеялся и... все-таки полез в карман за сигаретами.

Неподалеку от нас курила и разговаривала группа парней. Один из них, высокий длинноволосый блондин, выпустив изо рта густую струю табачного дыма, прислушался к музыке, которая доносилась сверху, и сказал:

– Шведская группа «Абба»! Клёвый музон! Между прочим, я их концерт видел. Их там в группе четыре человека, два парня и две девушки – блондинка и брюнетка.

– И где же ты мог их видеть? – спросил кто-то.

– Когда срочную служил в Группе советских войск в Германии, в отдельном батальоне химзащиты. У нас в «красном уголке» телевизор стоял, и мы могли смотреть по нему передачи из ФРГ. Вообще-то, командование части оставило в телевизоре только один канал, настроенный на телевидение ГДР, но среди нас были умельцы, которые вставляли, куда следует, пару скрепок, и телевизор начинал показывать западные каналы. И мы смотрели музыкальные передачи. Кино, конечно, тоже показывали, но что толку его смотреть, когда не понимаешь, о чем они там бакланят. Так что, Вован, в отличие от тебя, я кое-что повидал в этой жизни!

Я иронически улыбнулся: «Он старается удивить нас рассказами о зарубежных поп- и рок-группах, а я уже столько пересмотрел этого добра в интернете! Правда, рассказать об этом никому здесь нельзя – не поверят! Или, чего доброго, за сумасшедшего примут...»

Между тем длинноволосый парень, затягиваясь сигаретой, говорил:

– У них там, на Западе, сто телевизионных каналов. Представляете? Целых сто! Что хочешь, смотри. Любые фильмы. Хочешь – фильмы ужасов, хочешь – порнуху. Ты видел когда-нибудь порнуху, а, Вован?

– Нет, не довелось, – ответил, несколько смущаясь, толстощекий голубоглазый Вован.

– И я не видел. А вот Петька, мой друган, видел; он был в гостях у одного барыги и там смотрел по японскому видеомэгнитофону порнуху. Самую настоящую. Это, говорит, что-то! Там, короче, по ходу действия показывают бар, и в этом баре куча мужиков сидит за столами и виски с содовой пьет. И вот одна голая баба ползает на карачках под всеми столами и у всех мужиков ширинки расстегивает, и сосет... Я, когда это услышал, прямо-таки охренел! Живут же люди! А у нас, в стране дураков, разве такое когда-нибудь покажут? – и длинноволосый от досады смачно плюнул на пол, а его товарищи разразились восхищенными возгласами: «Класс! Клёво! Вот бы и нам посмотреть!»

Длинноволосый парень дождался, когда восторги несколько поутихнут, и продолжил свой рассказ:

– А еще я слышал, что этот барыга обменял квартиру на японский видеомэгнитофон. Представляете? – длинноволосый парень испытующе обвел глазами собеседников. – Квартиру на видеомэгнитофон! И я в принципе его понимаю. Если бы у меня была лишняя квартира, то я бы тоже обменял ее на какой-нибудь «Панасоник».

Тут я не выдержал и встрял в их разговор:

– Ты это серьезно говоришь? Про квартиру?

– А почему нет? – повернулся ко мне длинноволосый. – Разве по нашему телевизору можно что-нибудь путное посмотреть? У нас два канала всего, да и по тем всякую хрень показывают, никому не интересную, «Сельский час» да «Международную панораму». А на Западе такие классные передачи по телеку идут – закачаешься! Или вот еще, например, реклама. Ты когда-нибудь видел рекламу? – обратился он ко мне.

– Нет, никогда, – соврал я. (Ну не рассказывать же ему, в самом деле, где и при каких обстоятельствах я мог видеть телевизионную рекламу!)

– Это и понятно, в стране дураков такие вещи не показывают. А я видел, когда служил в Германии. Дас ист фантастиш!

– Неужели? – хмыкнул я.

– Я тебе говорю! У нас рекламы нет, потому что рекламировать нечего. Какая уж тут реклама, если мяса нет в магазинах! А я много чего повидал, когда в Германии служил. Одна реклама мне, помню, особенно запомнилась. Там, короче, один чувак по пустыне ползет, от жажды погибает. Вдруг видит – что-то краснеется. Он хват рукой – а это кока-кола! Он пьет ее, а бутылка от холода аж запотела вся... В общем, класс! Не то, что у нас. Даже рекламу не можем, как все нормальные люди, сделать.

Длинноволосый парень еще долго ругался, обличая коммунистический режим, не способный удовлетворить насущные потребности людей. Он ругался, а я, глядя на него, думал:

«Недаром говорят, что запретный плод сладок. Отдать за видеомэгнитофон квартиру! Для такого поступка даже название трудно подобрать. Умопомрачение? Наваждение? Или же просто феерическая глупость?»

«Бедные советские люди, и что же вы хотите увидеть на этих видеомэгнитофонах? Какие необыкновенные чудеса и откровения? Американские боевики? Мелодрамы? Ужасики? Или, может быть, ее величество порнуху? Уверяю вас, советские люди, что все вышеперечисленное не стоит квартиры, заплаченной за них! Квартиру вы можете завещать своим детям и внукам, и они будут жить в ней, и у них появятся свои дети и внуки. А кому вы завещаете пластмассовые видеокассеты с порнухой? Детям и внукам? Я не думаю, что они обрадуются такому подарку. Да и не пользуются уже ваши дети и внуки видеокассетами, потому как устарели видеокассеты морально и физически и давным-давно вышли из употребления...»

«А еще вы говорите, что вам нравится реклама по телевизору? Бедные советские люди, знали бы вы, как «достала» эта проклятая реклама нас, ваших потомков! Боготворить рекламу, страстно желать ее можно только в том случае, когда не знаешь, до какой степени она может

быть навязчивой и бесцеремонной. У нас, в нашем мире, уже придумывают программное обеспечение, способное отключать надоевшую до чертиков рекламу, а вы, советские люди, сердито брюзжите, что ее, такую желанную, вам не показывают на ваших сиротских телеэкранах!

«Советские люди, вы с вашими неумеренными восторгами по поводу порнофильмов, полиэтиленовых пакетов, рекламы и тому подобной чепухи напоминаете мне африканских туземцев, которым в прошлые века хитрые европейские колонизаторы привозили дешевые жестяные зеркала и стеклянные бусы в обмен на золото, алмазы и слоновьи бивни. Несчастливым туземцам тоже, наверное, казалось, что их привычные домашние вещи ничего не стоят по сравнению с восхитительными заморскими изделиями из стекла и жести...»

Разговор с длинноволосым парнем меня порядком утомил. Ну сколько можно слушать, как он с важным видом разглагольствует о том, о чем не имеет ни малейшего представления! И ведь не поспоришь с ним! Что я ему скажу? «Ты не знаешь, о чем говоришь, а я знаю. Ты ничего этого не видел, а я видел». Он спросит: «Где ты видел?» – и что я ему отвечу? Что я прилетел на Машине Времени из будущего? Ха-ха! Представляю его реакцию, да и всех остальных тоже!

Я тронул Васю за рукав:

– Может, пойдем отсюда? – но Вася, увлеченный рассказами длинноволосого, нетерпеливо повел плечом:

– Погоди... Потом... Дай послушать...

– Ну как знаешь, – сказал я и вышел в коридор. И сразу же увидел Виктора, который, пугливо озираясь, быстрыми шагами шел мне навстречу. Я бросился к нему:

– Что-то случилось, Витек? Ты какой-то сам не свой...

– Тут, понимаешь, какое дело, – торопливо заговорил Виктор. – В общем, уходить нам отсюда надо поскорее.

– Уходить? Это еще зачем?

Виктор оглянулся по сторонам и, приблизив свое лицо к моему, таинственно прошептал:

– Моя мать здесь...

– Кто? Вера Андреевна? А как она здесь оказалась?

В голове у меня вдруг возникла картина: полумрак дискотеки, музыка, толпа танцующей молодежи, и старенькая Вера Андреевна бродит между танцующими, разыскивая своего непутевого сына...

– Она никуда и не девалась отсюда!

– Как это? Я не понимаю...

– Да что тут непонятного? – рассердился Виктор. – Мы перенеслись на Машине Времени в прошлое, и я встретил здесь свою мать, которая с самого своего рождения живет и здравствует в Советском Союзе. Понятно теперь?

– Теперь понятно. И сколько же ей лет сейчас?

– Двадцать пять.

– Ну хорошо, Витя, ты встретил здесь Веру Андреевну... Ну не Веру Андреевну, конечно, а... а просто Веру, еще молодую девушку. И что же в этом такого страшного? Почему мы должны сломя голову бежать отсюда? И где она сейчас, кстати?

Виктор, нервничая, сказал:

– Ты видел ту девушку, которая пригласила меня на танец?

– Видел, конечно.

– Это она и есть!

– Вера Андреевна?! А я-то думаю, откуда мне ее лицо знакомо! А оно вон, оказывается, что!

– И это еще не все! Пока мы танцевали, она сказала мне, что я ей понравился и что она будет не против, если я провожу ее после танцев.

– Ну и дела! И ты не сказал ей, кто ты есть на самом деле?

Виктор посмотрел на меня, как на слабоумного.

– И что я ей скажу? Что я ее еще не родившийся сын, прилетевший на Машине Времени из будущего? Как в романе Герберта Уэлса?

Я понял, что сказал глупость. Признаваться, конечно, нельзя ни в коем случае, но и уходить отсюда тоже не хочется. Да и куда мы пойдем на ночь глядя? Нас в этом городе нигде не ждут! Надо доходчиво объяснить Вере Андреевне, что Виктор – а для нее он просто незнакомый молодой человек с дискотеки – дружить с ней категорически не желает, и баста! Good bye!

Свой план я изложил Виктору. Он с надеждой посмотрел на меня:

– Ты думаешь, поможет?

– Обязательно! Скажи ей прямо и без обиняков, как в той песне: женщина, я не танцую! И все дела!

– Пожалуй, ты прав, – Виктор вздохнул, поправил на носу очки. – Ладно, пойдем наверх...

Однако пойти мы никуда не успели. На лестнице послышался какой-то подозрительный шум, затем крик: «Вот он!» – и в нашу сторону решительными шагами направились трое парней.

«Ну вот опять, – с досадой подумал я. – Ну что это, блин, за дискотека такая! Постоянно какие-то скандалы... И как они в этом своем Советском Союзе живут, не представляю! Вечером никуда сходить нельзя!»

Парни подошли к нам и остановились в двух шагах, сверля нас злыми глазами. Все трое были пьяны, однако на ногах держались твердо. Вперед выдвинулся небольшого роста крепыш с редкими светлыми усами.

– Эй ты, очкарик хренов, – крикнул он грозно Виктору, – звездюлей получить захотел? Сейчас я тебе это устрою!

– За что? – удивился Виктор.

– Он еще спрашивает, гад! Ты зачем к Верке лезешь?

– Я? К Верке? Какой Верке? Ах, ты вон про что! Да никто ни к кому не лезет, просто потанцевали один раз, и все. Или это запрещено?

– Ах, ты гондон вонючий! – заорал крепыш, хватая Виктора за отвороты пиджака. – Я тебе сейчас потанцую! Я тебе, скотина, всю рожу растворожу!

К моему удивлению, Виктор никак не защищался, позволяя дергать себя во все стороны так, что голова его болталась, как у китайского болванчика.

«Ну что же, – мелькнула у меня в голове отчаянная мысль, – как говорится, сиди не сиди, а драку начинать надо!»

Сжав кулаки, я сделал шаг вперед и тут же был схвачен товарищами крепыша, которые вцепились в меня, как два бульдога. Шаркая подошвами по полу, хрипя и ругаясь, мы начали толкаться.

Вокруг нас быстро собиралась толпа.

В пылу борьбы я бросил быстрый взгляд в сторону друга. Крепыш, продолжая удерживать Виктора одной рукой за отворот пиджака, другой вдруг размахнулся и ударил его по лицу. Виктор вскрикнул, схватился за ушибленную щеку.

– Батя! Не надо!

Крепышу такая фамильярность явно не понравилась.

– Как ты назвал меня, гад? Батя? – заорал он, замахаясь для нового удара. – Я тебе сейчас, сынуля, такого «батю» покажу, что ты у меня всю жизнь на таблетки работать будешь!

Не знаю, чем закончилась бы вся эта история, если бы не Вася Венерицын. Он, как ангел мщения, вылетел из курилки и сходу врезался в схватку. Подскочив к моим обидчикам, он

влепил одному из них звонкую оплеуху, другого ударил в живот, и я почувствовал, как цепкие руки, державшие меня, разжались.

Но Вася не собирался останавливаться на достигнутом. В следующее мгновение он уже был возле крепыша. Удар! Еще удар! И крепыш, пряча в ладони разбитое лицо, попятился к стене. Вася бросился за ним с явным намерением наподдать еще, но тут на пути у него вырос Виктор.

– Ну все, хватит! Перестань! – сказал он глухим голосом, – Больше не бей его!

Вася от удивления вытаращил глаза. Я тоже не понимал, что происходит, однако раздумывать об этом было уже некогда. В толпе явственно слышались крики: «Где милиция? Милицию сюда!» – и я понял, что теперь действовать надо решительно и быстро.

– Уходим отсюда! – закричал я и, схватив друзей под руки, с силой повлек их к выходу. Вася попытался вырваться, чтобы вернуться на поле боя: «Я им еще покажу!» – но я, не обращая внимания на его крики, продолжал тащить его и Виктора вон.

Стремглав мы сбежали вниз по лестнице, пересекли большой вестибюль и с шумом выскочили на улицу. У входа стояли два парня с красными повязками дружинников. Они удивленно воззрились на нас, но ничего не сказали.

Удалившись достаточно далеко от Дома офицеров и поняв, что опасность миновала, мы смогли беспрепятственно обсудить конфликт на дискотеке.

– Как я ему врзал? А? – кричал, хохоча, Вася. – Как дал в торец, так он и скопытился сразу!

– Молодец, – цедил сквозь зубы Виктор, и видно было, что этот разговор не доставляет ему удовольствия.

– Вить, – тихо сказал я, – а почему ты назвал того, который с усами, – «батей»? Что это значит?

– А то и значит, – Виктор посмотрел на меня печальными глазами, – что это мой отец. Ну, в смысле, мой будущий отец. Понимаешь? И к тому же еще живой.

– Отец? Дмитрий Иванович? Слушай, а ведь похож! Вот так история!

– Ну да, так и есть, – кивнул Виктор. – Отец, наверное, еще только присматривался к моей будущей матери, хотел подружиться с ней, а тут вдруг я как снег на голову...

– И все-таки ты молодец, Витя! – сказал я. – Он и бил тебя, и ругал, а ты даже пальцем его не тронул...

– Чего вы там все бормочете? – вмешался в наш разговор Вася. – Думайте лучше, чем еще заняться сегодня. Не по домам же идти в восемь часов вечера, в самом деле!

– Ну а ты сам-то что скажешь? Ты же местный житель здесь! Предлагай!

Вася пожал плечами.

– Да хрен его знает, что можно сейчас предложить! Может, в бар попытаемся пройти, в «Остраву»? Тут недалеко, кстати...

– В бар, говоришь? Давай в бар! У нас деньги пока еще есть!

И мы отправились в бар.

Глава 8

Бар «Острада» находился на улице Краснознаменской в том же самом двухэтажном здании, которое в наши дни занимает банк «Открытие». Я тысячу раз проходил мимо этого скучного финансового учреждения и даже не догадывался о том, что в советское время здесь располагался популярный ресторан с еще более популярным баром. Ресторан занимал весь второй этаж, и попасть в него можно было двумя путями: либо с торца здания по широкой наружной лестнице, ведущей прямо на второй этаж, либо обычным способом – по внутренней лестнице. Бар располагался на первом этаже, и окна его, в отличие от ресторанных больших и светлых окон, всегда были наглухо задрапированы тяжелыми светонепроницаемыми портьерами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.